

ВТОРОЙ ШАНС

Vu Rado

Второй шанс

«Автор»

2026

Rado V.

Второй шанс / V. Rado — «Автор», 2026

Три человека. Три судьбы. Три пари с одним богом. Чэнь Юй умер в своём мире, но вместо покоя получил вторую жизнь в теле гомункула. Теперь его душа способна вселяться в мёртвые тела, а внутри него пробудилась Великая Двуличная Гончая — существо, которое постепенно начинает забирать контроль над его телом. О Кану получил возможность сам выбирать свой путь силы. Его навык открывает бесконечное древо возможностей, где нет предела развитию. Но свобода имеет цену: чтобы стать действительно свободным, ему придётся бросить вызов тем, кто считает себя вправе распоряжаться его судьбой. Третий — избалованный наследник богатейшего рода, для которого золото, роскошь и удача всегда были частью жизни. Его сила напрямую связана с добрыми поступками, а значит, чтобы получить больше богатства, ему придётся научиться отдавать. Они никогда не должны были встретиться. Каждый идёт своей дорогой, сражается со своими врагами и постепенно становится сильнее. Но над всеми тремя наблюдает один и тот же бог.

© Rado V., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1: Здравствуй старый новый мир	5
Глава 2: «Кровавый» Лотос	22
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Vu Rado

Второй шанс

Глава 1: Здравствуй старый новый мир

Он умер в своём кабинете ровно в три часа дня, когда за окнами пятидесятого этажа ползла серо-жёлтая пелена смога, а на столе остывал чай, который он не успел допить. Смерть пришла не как враг — как партнёр, которого он перехитрил в прошлой сделке, но который теперь явился за долгом. Инфаркт скрутил его за секунду до того, как пальцы коснулись клавиши «отправить» на контракте о поглощении трёх небольших сетей магазинов. Контракт, если бы он ушёл, принёс бы ему ещё девять миллионов юаней. Вместо этого он рухнул лицом в клавиатуру, и последнее, что он видел, — мигающий курсор на экране, словно насмешка: ты хотел быть быстрее, но время оказалось жаднее.

Его звали Чэнь Юй. В прошлой жизни — никто не помнит, что было до тридцати, а он помнил: босоное детство в деревне, где рис выращивали на склонах, а единственной книгой был старый календарь. Он поднялся с нуля, раздавил конкурентов, перешагнул через друзей, женился на дочери банкира, развёлся, забрал половину, и всё это — с улыбкой. На переговорах он был обходителен, памятью держал дни рождения секретарш, жертвовал на детские дома, но внутри, в той темноте, где не светят камеры, он считал каждого: сколько стоит человек, сколько стоит слово, сколько стоит жизнь. Он был жадным, но честным перед собой. Единственная ложь, в которую он верил, — что он добрый.

И теперь, когда сознание выскользнуло из разбитого сосуда тела, он ожидал увидеть пустоту. Вместо пустоты была тьма — не простая, а плотная, как старые чернила, и в ней стоял кто-то.

Он не мог определить форму. Это было похоже на человеческий силуэт, но размытый, словно художник провёл по нему мокрой тряпкой: плечи, голова, руки — всё стекало, менялось, переливалось мерцанием, которое не было светом. От этой фигуры исходил запах старой бумаги и нагретого металла. Она не двигалась, но Чэнь Юй знал — она смотрит.

«Ты умер, — сказал силуэт голосом, который звучал одновременно изнутри и снаружи, как эхо в пустом зале. — Но ты не обычный. Я следил за тобой тридцать лет. Твоя жадность — не порок, Чэнь Юй. Это топливо. Ты сжёг себя дважды: один раз — чтобы подняться, второй — чтобы удержаться. Но ты никогда не врал себе. Только другим. Это редкое качество».

Чэнь Юй хотел спросить «кто ты», но понял, что у него нет рта, нет голоса. Он был мыслью, пучком импульсов в этой тьме. И силач ответил на незаданное:

«Я — бог этого мира. Не единственный. Есть боги демонов, зверей, драконов, деревьев и рек. Я — тот, кто отвечает за людей. За тех, кто идёт, страдает, убивает и любит. Ты, Чэнь Юй, мне интересен. Ты дважды обманул смерть — первый раз, когда родился в нищете, второй — когда построил империю из воздуха. Я хочу заключить с тобой пари».

Тьма колыхнулась, и в ней проступили очертания — что-то вроде стола, но без ножек, и свитка, который светился бледно-голубым. Чэнь Юй не мог прикоснуться к нему, но понял условия, словно они были вписаны прямо в его сознание.

«Я отправлю тебя в другой мир. Мир мурима — мира культа боевых искусств, где люди летают по деревьям, рубят горы и вскипают кровью от одной мысли о чести. Ты начнёшь с самого низа — с тела, которое только что убили. У тебя не будет ни денег, ни имени, ни учителя. Твоя задача — за одну жизнь, отпущенную тебе, подняться на вершину. Стать тем, кого будут бояться и чтить. Если ты это сделаешь — я дам тебе силу, равную моей. Ты станешь богом

среди людей. Если провалишься — твоя душа рассеется в том месте, где стираются все имена. Ни перерождения, ни забвения. Просто ноль».

Чэнь Юй хотел спросить, что он получит, если уже бог, зачем ему человек. Но бог прочитал и это.

«Потому что я устал. В моём мире всё предсказуемо. А ты — двуличный. Я люблю смотреть, как такие, как ты, петляют. Это развлечение».

Силуэт протянул нечто — подобие руки. И Чэнь Юй, не колеблясь, согласился. Он всегда был игроком.

Последнее, что он запомнил в той тьме, — смех, похожий на треск пересохшего бамбука. И слова:

«Ах да, навык. В подарок. Ты любил быть разным — днём и ночью. Пусть так и будет. Я назвал его «Великая Двуличная Гончая». Днём ты — человек. Ночью — зверь. Но не просто зверь — иступлённый, голодный, расчётливый. Ты будешь видеть кровь и считать шаги до неё. Это шутка. Надеюсь, она тебе понравится».

Провал.

Он очнулся от холода. Не от того холода, когда мёрзнешь в декабре, а от того, что пронизывает до костей, когда лёд касается обнажённого нерва. Всё тело ломило, как после многодневной лихорадки. Он лежал на земле — нет, не на земле, на чём-то твёрдом, шершавом, с кислым запахом гниющих трав. Вокруг было темно, но в темноте проступали очертания: груды камней, ржавая решётка, куски ткани и битого дерева. Где-то вдалеке горел костёр, бросал длинные тени, и Чэнь Юй понял: он на свалке.

Он попытался пошевелиться. Пальцы слушались, но с трудом. Кожа — нет, не кожа, а что-то похожее на неё — была бледной, почти синей, и на тыльной стороне ладони виднелась трещина, из которой не сочилась кровь, а что-то маслянистое, сероватое. Он перевёл взгляд ниже: руки были тонкими, длинными, с непропорционально большими суставами. Ноги — такие же, с неестественно вывернутыми коленями. Он был одет в лохмотья — не то мешковину, не то остатки халата. И пахло от него не человеком — металлом и спиртом.

«Гомункул», — всплыло в голове слово, которого он раньше не знал, но которое стало знанием, вбитым богом в самую глубину. Алхимические создания. Собранные из частей, активированные ци и формулами. Они служили рабами, солдатами, экспериментами. Этого убили и выбросили. За ненадобностью.

Чэнь Юй сел, и позвоночник хрустнул, как сухой сук. Голова закружилась, но он подавил рвотный позыв — в горле не было ничего, кроме горечи. Он поднёс руку к лицу. Пальцы коснулись щёк — острых, впалых, с неестественно высокими скулами. Волосы — длинные, спутанные, цвета мокрой золы. Но главное — глаза. Он посмотрел в блестящий осколок керамики рядом и увидел: правый глаз тёмно-карий, почти чёрный, а левый — золотистый, с вертикальным зрачком, как у кошки. Две души в одном теле. Две сущности, сплавленные в одну.

Он попытался встать. Ноги дрожали, но держали. Вокруг — горы мусора: сломанные мечи, пустые фляги, куски брони, человеческие кости — настоящие, не алхимические. Это было кладбище неудачников. Он сделал шаг, второй. В груди что-то сжалось, и он понял: ци. Внутри него пульсировал слабый, едва теплящийся поток — как спичка в урагане. Это была база, уровень новорождённого младенца. Ни техник, ни ударов, ни защиты. Только тело, которое вот-вот развалится.

Он брел к свету. Костер горел недалеко, у подножия холма, и вокруг него сидели люди — четверо или пятеро. Они были в грязных стёганных куртках, с ножами у поясов. Судя поговору — бродяги, отбросы, такие же, как и он. Они заметили его, когда он вышел из тени. Один, с щербатым ртом, присвистнул:

— Гляньте, говорящий хлам. А мы думали,дохлый.

Остальные засмеялись. Но смех был насторожённый. Они не знали, кто он, но видели: это не человек, это алхимическая поделка. Они знали, что гомункулы опасны, когда сходят с ума.

— Стой, где стоишь, — сказал второй, вставая. Его рука легла на рукоять ножа. — Ты откуда взялся? Чей ты?

Чэнь Юй остановился. Он не знал языка мурима, но бог позаботился — слова лились из него сами, с лёгким гортанным акцентом, как будто он учил их всю жизнь.

— Я не знаю, — сказал он. Голос был хриплым, низким, с металлической ноткой. — Я проснулся там. Не помню, кто я.

— Нищий гомункул без хозяина, — протянул щербатый. — Значит, ничейный. А ничейный хлам можно разобрать на запчасти. У тебя глаза ценные. Золотой — пойдёт на амулет.

Чэнь Юй молчал. Внутри него что-то закипало — не гнев, а холодная, трезвая оценка. Четверо против него. Никакого оружия. Силы — как у мокрой курицы. Если они нападут — он умрёт. Но если он умрёт, его душа выйдет наружу, и тогда он сможет вселиться в другого. Однако он не знал, как это работает, и не хотел проверять, потому что эти люди, возможно, были из тех 70%, кто может убить его даже духовно. Он не чувствовал в них ци — значит, они слабаки. Но слабаки с ножами — всё ещё опасны.

— Я не хочу проблем, — сказал он, поднимая руки. — Я просто уйду.

— Нет, — усмехнулся третий, поднимаясь. — Ты просто хлам. А хлам не уходит. Хлам переплавляют.

Они двинулись к нему. Чэнь Юй отступил на шаг, но споткнулся о корень. Он упал на спину, и тут же они навалились, двое схватили за руки, третий за ноги. Они смеялись, ругались, обсуждали, кому достанется золотой глаз. Щербатый вытащил нож и приставил к его шее.

— Не дёргайся, кукла. Я вырежу тебе глаз аккуратно, потом отпущу. Если будешь молчать.

Чэнь Юй смотрел вверх. Небо было тёмное, но на горизонте, за горами, начинала разгораться алая полоса — закат. Он понял, что сейчас, в этот самый миг, солнце садится. И он почувствовал, как внутри что-то переворачивается.

Это был не его гнев. Это было что-то другое — глубже, древнее, голоднее. Он дышал всё чаще, и его сердце — если у него вообще было сердце — начало биться в бешеном ритме. Зрачок золотого глаза расширился, стал почти круглым, а карий — сузился до точки. Он попытался сказать «стойте», но из горла вырвался лишь хрип, который перешёл в рычание. Запах крови — их пота, их страха — ударил в ноздри с такой силой, что у него зашумело в ушах.

Он перестал контролировать тело. Или наоборот — контроль стал абсолютным, но это был другой «он». Тот, который не думал о последствиях. Тот, который видел только цели и способы их достижения. Тот, который любил, когда кровь тёплая и липкая.

Глаза у него теперь горели — оба, карий и золотой, как угли. Он извернулся, вырвал правую руку из захвата, и его пальцы — длинные, с неестественно острыми ногтями — вонзились в горло того, кто держал его. Мужчина захрипел, отпустил его, отшатнулся, схватившись за шею, из которой хлестала чёрная венозная кровь. Чэнь Юй вскочил, и в нём уже не было ни страха, ни сомнений. Была только точность. Он ударил второго локтем в лицо — кость хрустнула, брызнула слезь из разбитого носа. Третий, щербатый, замахнулся ножом, но Чэнь Юй перехватил его руку на полпути, сжал запястье так, что тот взвизгнул, и повернул нож обратно, вонзил в плечо владельца. Четвёртый побежал, но Чэнь Юй догнал его в три шага — его тело двигалось быстрее, чем он думал, — и ударил ногой в спину. Мужчина упал лицом в костёр, заорал, запахло палёным мясом.

Всё это заняло меньше десяти ударов сердца. Чэнь Юй стоял посреди свалки, покрытый тёмной кровью, и его грудь вздымалась. Он смотрел на умирающих и чувствовал не отвращение — удовлетворение. Он знал, что это неправильно, но другая часть его, та, что рычала внутри, шептала: «Так надо. Они хотели твой глаз. Ты защищал себя. Ты — гончая».

Он подошёл к первому, тому, у кого была перерезана шея. Тот ещё дышал, хрипел. Чэнь Юй наклонился, взял его за подбородок и спросил, голосом, в котором уже не было хрипа, а была ледяная ясность:

— Где здесь ближайший город? И кто хозяин этой свалки?

Мужчина прохрипел что-то невнятное, пытаясь указать пальцем на север. Чэнь Юй кивнул. Потом, не думая, приложил ладонь к его виску — и легонько нажал. Хрип прекратился.

Он обернулся. Второй корчился на земле, зажимая разбитое лицо. Третий пытался вытащить нож из плеча. Четвёртый уже не кричал — он сгорел.

Чэнь Юй почувствовал, как внутри него утихает волна. Золотой зрачок сужался, возвращаясь к вертикальной щели. Карий глаз темнел. Тело дрожало, и он опустил на корточки, обхватив голову руками. Он не мог поверить, что только что сделал это. Но он сделал. И теперь знал: ночью он — не он. Ночью он — гончая, и гончая любит убивать. Но она не безумна. Она расчётлива. И это пугало его больше, чем сама жестокость.

Он поднял глаза к небу. Закат почти угас, и на небе загорались звёзды — другие, не такие, как на Земле. Где-то там, за чертой, бог людей смеялся. Чэнь Юй сжал кулаки. Он не знал, сколько ему придётся ползти по этому миру, но он знал одно: он начнёт с самого дна. С этой свалки, с этих трупов, с этого дрожащего тела, в котором живут две души. Он будет днём — учеником, слугой, кем угодно, лишь бы его не убили. А ночью он будет охотиться. И когда-нибудь он придёт к тому, кто создал его таким, и спросит: «Ты видел? Я поднялся. И теперь я хочу больше, чем ты можешь дать».

Он поднялся на ноги, пошатываясь. Подобрал нож щербатого, вытер его о лохмотья. На севере, за тёмными холмами, мерцали огни. Он пошёл туда. В кармане у одного из мёртвых он нашёл несколько медных монет и кусок чёрствого хлеба. Это был его первый капитал.

Вдалеке выл шакал. Или ветер. Или это был он сам, пытающийся привыкнуть к новому голосу.

Город назывался Ветвистый Ручей — так он узнает позже, когда переступит его ворота на рассвете, израненный, но живой. Ворота были из старого дерева, с железными коваными петлями, и над ними висела вывеска с иероглифами «Торговая гильдия Горячего Котла». Это было место, где алхимики покупали материалы для своих опытов. Где гомункулов продавали на рынке, как скот. Где никто не задавал вопросов, если у тебя были деньги.

У него не было денег. Было только тело, которое он ненавидел, и ночь, которая скоро должна была вернуться. Но он зашёл в город, потому что больше идти было некуда. И на пороге первой же таверны он встретил человека, который определит его судьбу на ближайшие годы.

Человек был стар, но плечи его были широки, а глаза — умны, как у лисицы. Он сидел за столиком с чашкой рисового вина, и когда Чэнь Юй вошёл, поднял бровь, заметив его разный цвет глаз.

— Ты не местный, — сказал он без вопроса. — И ты не гомункул. Ты что-то другое. Садись. Я угощаю.

Чэнь Юй сел. Он не знал, что это начало всего. Но он знал, что впервые за долгое время — за обе жизни — он был готов играть по-настоящему.

Старик оказался не просто пьяницей, сидящим в таверне с утра. Он был тем, кого в этом городе называли "Слепой Лис" — не потому что он не видел, а потому что видел слишком много и умел делать вид, что не замечает. Его звали Вэй Чан, и когда-то он был советником при дворе одного из удельных князей, пока его не обвинили в краже казны и не выгнали с выжженным клеймом на левом плече. Теперь он жил в Ветвистом Ручье, пил рисовое вино и продавал информацию тем, у кого были монеты.

Чэнь Юй не знал всей этой истории. Он знал только одно: старик не удивился его внешности, не спросил о глазах разного цвета и не потребовал платы за угощение. Это уже было необычно.

— Ты не местный, — повторил Вэй Чан, пододвигая к нему чашку с мутной жидкостью. — Не спрашиваю, откуда. Спрашиваю: что ты хочешь?

Чэнь Юй сел напротив. Тело всё ещё дрожало после ночного приступа, но он научился держать лицо. В прошлой жизни, когда на переговорах шла борьба за миллионы, он не позволял себе ни единой морщинки на лбу. Сейчас он применил тот же приём.

— Я хочу спокойно жить, — сказал он. — Я не знаю этого мира. Не знаю, кто враг, а кто друг. Не знаю, куда идти. Ты кажешься знающим. Подскажи.

Вэй Чан усмехнулся в усы. Пальцы его, покрытые старческими пигментными пятнами, крутили край глиняной чашки.

— Спокойно жить, говоришь. В музее это смешно. Но я понимаю. Ты — гомункул, но не совсем гомункул. Ты — чужой. Тебе нужно место, где тебя не прирежут за глаза или не продадут алхимикам на запчасти. Есть четыре пути. Выбирай.

Он загнул первый палец:

— Первое: ты можешь стать наёмником. Городские гильдии берут всех, кто умеет держать меч. Платят мало, работа грязная, умирают часто. Но если ты сильный — через год-два сможешь накопить на собственную шкуру.

Загнул второй:

— Второе: раб богачей. В усадьбах купцов и мелких аристократов всегда нужны слуги. Ты будешь иметь крышу над головой и еду. Но ты — вещь. Тебя могут продать, проиграть в кости, использовать в алхимическом эксперименте. И никто не заступится.

Третий палец:

— Третье: школа боевых искусств. Их много. Хорошие — требуют деньги или талант. Плохие — берут всех, но там учат только махать палкой и умирать красиво. Если тебя примут в приличное место — у тебя будет защита. Учитель не даст тебя в обиду, потому что это позор для школы. Но конкуренция жестокая. Там тебя могут убить свои же, чтобы устранить конкурента.

Четвёртый:

— Императорский двор. Это вершина. Если ты становишься чиновником, воином императорской гвардии или придворным магом — ты неприкасаем. Император защищает своих людей, потому что они — его сила. Но туда не берут с улицы. Нужна репутация, рекомендации, подвиги. Ты должен быть известен, чтобы о тебе доложили приближённые императора.

Вэй Чан откинулся на спинку стула и сложил руки на груди.

— Я бы на твоём месте выбрал школу или императора. Всё остальное — смерть. Но император не возьмёт тебя без имени, а имя нужно заслужить. Так что логично: школа, потом — известность, потом — двор.

Чэнь Юй молчал, переваривая. В прошлой жизни он тоже начинал с нуля — но там можно было взять кредит, арендовать офис, нанять людей. Здесь не было банков и контрактов. Здесь были только мечи и ци.

— Какая школа лучше? — спросил он.

Вэй Чан улыбнулся, и в его глазах мелькнула искра старой лисы.

— Хороший вопрос. В этом городе есть три школы. Первая — "Небесный Клинок". Уважаемая, древняя, с традициями. Но туда нужно сдавать вступительный экзамен. Если провалишь — выгонят с позором. Вторая — "Красный Лотос". Она поменьше, но там сильные учителя. Платят они, правда, едой и кровом, но драться учат хорошо. Третья — "Школа Десяти Теней". Подпольная. Там учат убивать, красть, шпионить. Многие выпускники работают на разведку при дворе. Но туда нужно приходить с рекомендацией, иначе убьют прямо на пороге — проверка на прочность.

Чэнь Юй кивнул. Он уже отбросил вариант с наёмниками — слишком быстро умирают. Рабство отпадало сразу, как только он вспомнил, как в прошлой жизни никому не подчинялся. Оставались школа и императорский двор. Но император был недоступен, значит — школа.

— У меня нет денег, — сказал он. — И нет рекомендаций. Что мне делать?

Вэй Чан допил вино и поставил чашку на стол.

— В "Красном Лотосе" есть одно правило. Раз в сезон они набирают учеников без платы, если те проходят испытание. Испытание простое: пережить ночь в Забытом Лесу. Там водятся духи-лисы и дикие кабаны-мутанты. Если выживаешь до рассвета — ты ученик. Если нет — ты корм для тварей.

Чэнь Юй подумал о своей ночной форме. Если он войдёт в лес после заката — он станет гончей. Но будет ли гончая драться с духами, или она сама станет охотником? Он не знал, боялся рисковать, но выбора не было.

— Где этот лес? — спросил он.

Вэй Чан улыбнулся шире.

— К востоку от города. Полдня пешком. Испытание через три дня. Если хочешь — скажу, где найти старейшину школы. Но учти: даже если ты выживешь, тебя могут не принять из-за твоих глаз. В муруме боятся необычного.

Чэнь Юй поднялся. Он вытащил из кармана медные монеты — всё, что осталось от трупов на свалке — и положил их на стол.

— Спасибо за совет. Где живёт старейшина?

— На северной окраине, у старого колодца с резной крышкой. Скажешь, что от Лиса. Он не обрадуется, но выслушает.

Чэнь Юй кивнул и направился к выходу. Внутри него пульсировала усталость, но где-то в груди зажегся холодный огонь. Он знал: это начало. И если он выживет в этом лесу — он сделает первый шаг к тому, чтобы стать известным. И тогда император заметит его. А когда заметит — он получит доступ к верхушке. И тогда, возможно, он поймёт, какую игру затеял бог людей.

На пороге таверны он оглянулся. Вэй Чан уже наливал себе новую чашку, и его глаза хитро поблёскивали. Старик явно знал больше, чем сказал. Но Чэнь Юй не стал задавать вопросов — в этом мире слишком рано доверять тем, кто угощает тебя вином и даёт советы.

Он вышел на улицу. Город жил своей жизнью — торговцы кричали о товаре, носильщики ругались, где-то звонили колокола. Воздух пах жареным мясом, навозом и потом. Это был мир, в котором он должен был заново родиться. И он сделает это.

Чэнь Юй пошёл к северной окраине. Солнце клонилось к закату, и его тень на земле казалась чуть длиннее, чем должна быть. Или это ему просто казалось.

Старейшина школы «Красный Лотос» сидел на колоде у старого колодца с резной крышкой, изображающей цветок с семью лепестками, и чистил зубы тонкой веточкой ивы. Он был лыс, как бильярдный шар, и его руки, покрытые сеткой старых шрамов, напоминали корни старого дерева — узловатые, жилистые, готовые вцепиться в горло при первом подозрении на ложь. Когда Чэнь Юй подошёл, старейшина даже не поднял головы. Только сплюнул в траву и сказал:

— Ты опоздал на полчаса. Я уже думал, что ты передумал или сдох по дороге. — Как вы узнали..? — удивлённо возгласил Чэнь Юй.

— Это важно? — парировал вопрос.

Чэнь Юй остановился в трёх шагах, стараясь не дышать слишком громко. Тело всё ещё болело после ночи на голой земле, но он научился не показывать слабость. В прошлой жизни он вёл переговоры с температурой под сорок, когда голова раскалывалась, а в ушах шумело, и ни один из партнёров не заметил, что он болен. Сейчас он применил ту же тактику — ровное дыхание, расслабленные плечи, взгляд чуть выше уровня глаз собеседника.

— Я должен был найти дорогу, — сказал он. — Город большой, а приметы у старого колодца с резной крышкой оказались не самыми точными. Я обошёл три колодца, прежде чем нашёл этот.

Сюн Ли, наконец, поднял голову, и его маленькие хитрые глаза упёрлись в лицо Чэнь Юя. Они были цвета старого чая и двигались быстро, как у ящерицы, сканируя каждую деталь: разрез глаз, форму губ, напряжение скул, даже то, как Чэнь Юй стоял — вес на левой ноге, правая немного отставлена назад, готовая к шагу.

— Ты врёшь, — сказал Сюн Ли беззлобно, как о погоде. — Ты нашёл этот колодец с первого раза, потому что у тебя нюх на деньги. От тебя пахнет страхом, гомункул. И ещё чем-то — старым, горячим, как пепел. Ты что, сжёг кого-то?

Чэнь Юй не моргнул.

— Я никого не сжигал. Но я убил четырёх человек на свалке три дня назад. Они хотели вырезать мне глаз.

— Всего четырёх? — Сюн Ли хмыкнул и снова сплюнул. — Слабо. В прошлом месяце один парень пришёл к нам с мешком голов. Тринадцать штук. Мы его взяли, он теперь наш лучший ученик. Ты с этим не тягаться.

— Я не собираюсь тягаться, — ответил Чэнь Юй. — Я хочу учиться.

Сюн Ли поднялся с колоды и оказался неожиданно высоким — почти под два метра, с разворотом плеч, который говорил о долгих годах работы с оружием. Он подошёл к Чэнь Юю, обошёл его со всех сторон, как торговец коня, и даже понюхал воздух у него за спиной.

— Ты пахнешь свалкой, — сказал он, вернувшись на место. — И кровью. И ещё чем-то странным. Твой левый глаз видит ци, правый — будущее. Я прав?

Чэнь Юй похолодел. Он ничего не говорил о глазах.

— Откуда вы... — начал он.

— Я старейшина «Красного Лотоса», — перебил Сюн Ли. — Я вижу то, что другие не видят. Ты — гомункул, но ты — не гомункул. Твоя душа старая, тёплая, человеческая. Твоё тело — дешёвая поделка, собранная из трёх разных доноров. Руки от одного, ноги от второго, позвоночник от третьего. Но ты стал человеком. Это интересно. Если бы мы были в имперской столице, тебя бы уже забрали на изучение алхимии, разрезали бы на куски и записали каждый нерв. Но мы — не столица. Мы — «Красный Лотос». Здесь мы либо учим, либо убиваем. Ты хочешь учиться?

Чэнь Юй кивнул, чувствуя, как под ложечкой сосёт от напряжения.

— Тогда слушай, — Сюн Ли сел обратно на колоду и сложил руки на коленях. — Испытание через три дня. Ты идёшь в Забытый Лес с другими претендентами. Там водятся духи-лисы, дикие кабаны-мутанты и иногда — медведи, которые едят людей, а не ягоды. Ты должен дойти до старой часовни в центре леса и принести оттуда что угодно: камень, цветок, кусок коры. Если выживешь — ты мой ученик. Если нет — я найду твой золотой глаз, заспирую и продам в столице за хорошую цену. Ты понял?

Чэнь Юй сглотнул. В горле пересохло.

— Понял.

Сюн Ли махнул рукой, отпуская его, и уже в спину добавил:

— И ещё, гомункул. В лесу не доверяй никому. Даже себе. Особенно — себе. В Забытом Лесу каждый второй — это иллюзия. Ты можешь увидеть свою мать, отца, друга, даже своего бога. Не верь. Бей, если видишь. Это единственный способ выжить.

Чэнь Юй развернулся и пошёл прочь, чувствуя, как старейшина сверлит его взглядом между лопаток. Он не обернулся. В прошлой жизни он знал: когда за тобой наблюдают, нельзя оборачиваться — это признак слабости.

Три дня до испытания Чэнь Юй провёл, пытаясь подготовиться. Денег не было, но он нашёл старую циновку у городской стены и спал на ней, закутавшись в лохмотья, в которых

пришёл. Каждое утро он просыпался от холода, трясся несколько минут, потом вставал и шёл к реке умываться и смотреть на своё отражение.

Тело, которое ему досталось, было странным. Грудь узкая, рёбра прощупывались через кожу, руки длинные, с неестественно острыми локтями. Ноги слегка кривые, с коленями, которые хрустели при каждом шаге. Но мышцы — жёсткие, как верёвки, с памятью о чём-то, что не было его жизнью. Чэнь Юй понял: это тело натаскивали. Возможно, для боёв на арене. Или как охранника. Или просто как расходный материал в алхимическом эксперименте.

Он попытался сжать кулак, имитируя удар, и чуть не упал — центр тяжести был смещён на полпальца влево. Пришлось переучивать походку, менять угол наклона при шаге. Это было похоже на то, как в прошлой жизни он учился ходить в дорогих ботинках, которые натирали пятки: больно, неудобно, но надо привыкнуть.

На второй день он украл у пьяного торговца старый нож. Торговец спал на бочке у ворот, и Чэнь Юй подобрался к нему, как тень, снял ремень с ножнами и исчез в переулке. Сердце колотилось, пальцы дрожали, но он подавил чувство вины. В прошлой жизни он украл своё первое состояние, когда ему было двадцать два, — и никогда не жалел. Здесь правила были теми же: ты либо берёшь, либо берут тебя.

Он потренировался с ножом, пытаясь вспомнить, как двигался в ночи, когда убивал тех бандитов на свалке. Тело помнило, но днём всё было иначе — медленнее, тяжелее, тупее. Он сделал несколько выпадов в сторону старого пня, и каждый раз нож проходил мимо, задевая кору. Чэнь Юй злился на себя. В прошлой жизни он не умел драться, но там он мог нанять охрану. Здесь он был сам за себя.

На третий день, когда солнце уже коснулось горизонта и отбросило длинные тени от городских стен, Чэнь Юй стоял у восточных ворот, сжимая в руке нож, который украл у пьяного торговца прошлой ночью. Внутри уже начинало подниматься знакомое тепло, но он подавил его усилием воли. Солнце ещё не село. Гончая не должна проснуться до темноты, и если он позволит ей вырваться раньше времени, он потеряет контроль, а вместе с ним — и шанс на выживание. Чэнь Юй не был уверен, что сможет вернуть себя обратно, если отпустит зверя до заката. Слишком многое в этом новом теле было непредсказуемым.

Он пришёл первым. Ворота, сложенные из тёмного камня, покрытого мхом, казались древними — старше любого здания, которое он видел в городе. Через них шла единственная дорога в Забытый Лес — узкая колея, которая уходила в чащу, теряясь среди первых деревьев, чьи корни выступали на поверхность, как пальцы утопленников. Чэнь Юй перевёл дыхание и принялся ждать.

Тощий парень с ножом на поясе появился из переулка спустя четверть часа. Он жевал что-то и сплёвывал шелуху на землю — семечки, как понял Чэнь Юй. Парень был одет в старую куртку, которая висела на нём, как на вешалке, и держал своё оружие так, будто умел с ним обращаться — рукоять в ладони, клинок вниз, готовый к удару снизу вверх. На поясе болтался ещё один нож, поменьше, и Чэнь Юй заметил, что рукоять у него обмотана тряпкой, пропитанной чем-то тёмным — может быть, кровью, может быть, маслом.

— Гомункул, — сказал тощий, сплёвывая очередную шелуху. — Ты чего припёрся? Тебя же разберут на запчасти в первую же минуту. Я слышал, у тебя глаз золотой. Такие глаза в столице продают по тысяче монет. Ты хоть понимаешь, что ты — ходячий мешок денег?

— Понимаю, — ответил Чэнь Юй коротко.

— И тебя это не пугает?

— Пугает. Но я здесь, чтобы это изменить.

Тощий хмыкнул, но ничего не сказал. Он отошёл в сторону, встал у входа в лес и принялся точить свой нож о камень, не сводя взгляда с Чэнь Юя. В его глазах читалось любопытство, смешанное с презрением, но он не стал продолжать разговор. Чэнь Юй был этому рад.

Следующей пришла девица в чёрном. Она появилась из тени между двумя домами, и Чэнь Юй не понял, как она там оказалась — просто шагнула из стены, как призрак. Короткие чёрные волосы торчали во все стороны, как у ежа, глаза были холодными и ни на ком не задерживались дольше секунды. Под курткой угадывались очертания двух коротких кинжалов — Чэнь Юй заметил это по тому, как она двигалась, слегка сутулясь, чтобы скрыть выступы на боках. У неё не было никакого багажа, никакой еды, даже фляги с водой. Она молча прошла к воротам, встала в двух шагах от тощего и уставилась в темноту леса.

Чэнь Юй ждал, что она скажет хоть слово, но она просто стояла, как каменное изваяние, и молчала. Он заметил, как её пальцы слегка подрагивают — единственный признак волнения во всём этом ледяном спокойствии.

Последним пришёл толстяк с мешком сухарей. Он был похож на бочку с ногами — огромный живот, круглые плечи, короткие руки, которые почти касались колен. На поясе у него висела фляга с водой и ещё один мешок, поменьше, из которого торчала головка чеснока. Он жевал с таким видом, будто собрался на прогулку, а не на смертельное испытание.

— Привет, — сказал он, хрустя. — А вы как думаете, там есть питьевая вода? Я слышал, там ручей. Хорошо бы напиться, а то я с утра не пил. Вообще не понимаю, как можно идти в лес без запаса воды.

— Ты ещё о еде думаешь? — фыркнул тощий, отрываясь от своего ножа. — Тебя первого сожрут. Ты слишком громкий. И пахнешь хлебом.

— Бывает, — толстяк пожал плечами и откусил ещё кусок. — Но у меня есть план. Если я буду бежать быстрее всех, то сожрут того, кто позади. А бегаю я, между прочим, неплохо. Годы практики.

Он подмигнул Чэнь Юю, и Чэнь Юй невольно улыбнулся — первый раз за три дня. Толстяк был либо безумцем, либо гением, либо тем и другим одновременно.

Из ворот вышел ученик «Красного Лотоса» с повязкой на голове — тот самый, который подкалывал его три дня назад у колодца. За ним шли ещё двое с мечами, крепкие парни с суровыми лицами.

— Ну что, отбросы, — сказал ученик, останавливаясь перед ними. Он заложил руки за спину и прошёлся вдоль строя, разглядывая каждого с ног до головы. — Время пришло. Правила знаете? Пять вёрст до старой часовни, принести оттуда что угодно, вернуться до рассвета. Не вернётесь — трупы. Вернётесь без предмета — трупы. Вернётесь, но без одного из вас — тоже трупы. Мы берём всех или никого. Поняли?

Все кивнули. Девица в чёрном даже не моргнула.

— Отлично, — сказал ученик и остановился прямо перед Чэнь Юем. Его взгляд упёрся в золотой глаз, и на лице появилась та же насмешливая улыбка, что и три дня назад. — А ты, гомункул. Ты, значит, решил, что мы тебя примем? Я слышал, ты у Слепого Лиса советы брал. Он, конечно, умный старик, но он тебя не предупредил, что у нас есть правило для таких, как ты?

Он ткнул пальцем в грудь Чэнь Юя — сильно, почти как удар, так что Чэнь Юй качнулся назад.

— Мы не берём тех, кто выглядит как хлам. Ты — хлам. Ты даже не человек. Тебя сделали из дохлых частей. Руки от одного мертвеца, ноги от второго, позвоночник от третьего. Ты — кусок мяса, собранный алхимиком в подвале. Твой глаз — единственное, что в тебе чего-то стоит. И знаешь, что? Я уже договорился с одним алхимиком из города. Он даст мне пятьсот монет за этот глаз. Если ты вернёшься — я вырежу его сам. Прямо на пороге школы. И никто не скажет ни слова.

Тощий парень ухмыльнулся, явно наслаждаясь зрелищем. Девица в чёрном отвернулась, как будто ей было неинтересно. Толстяк перестал жевать и нахмурился, открыл рот, чтобы что-то сказать, но передумал.

Солнце уже почти скрылось за горизонтом. Последние лучи заката окрасили небо в багровый, и Чэнь Юй почувствовал, как внутри него начинает что-то меняться. Тепло, которое он подавлял, вдруг стало горячим, почти невыносимым. Гончая заворочалась в груди, требуя выхода. Он сжал кулаки, стиснул зубы, но зверь был сильнее. Чэнь Юй понял: ещё минута — и он потеряет контроль. Если это случится при всех, он может напасть на учеников, и тогда его убьют на месте.

Но тут Минь Жун — ученик с повязкой — подошёл к нему вплотную и ткнул пальцем в правый глаз, золотой, с вертикальным зрачком. Прямо в глаз.

— А этот, я слышал, видит будущее. — Минь Жун усмехнулся, и его палец почти коснулся ресниц Чэнь Юя. — Говорят, такой глаз можно заспиртовать и носить как амулет. Представляешь, гомункул? Будешь висеть на моей шее и видеть мою смерть заранее. Забавно, правда?

И тогда Гончая вырвалась.

Чэнь Юй не собирался этого делать. Он хотел сдержаться, хотел быть адекватным, разумным, как в прошлой жизни, когда он спокойно выслушивал оскорбления и улыбался в ответ. Но это тело было другим. Внутри него жил зверь, и зверь не терпел, когда кто-то касался его глаз. Прямо сейчас, в этот момент, когда его лицо было на расстоянии ладони, а закат догорал, Гончая взяла верх.

Чэнь Юй не думал. Он не анализировал, не просчитывал последствия. Он просто действовал.

Левый глаз, карий, видел контуры ци Минь Жуна — его слабое место было чуть ниже уха, там, где шейная артерия подходила к поверхности. Правый глаз, золотой, показывал будущее на полсекунды вперёд — он видел, как Минь Жун отшатнётся влево, чтобы избежать удара.

Чэнь Юй выбрал правый. Будущее было важнее слабости.

Он выхватил нож из-за пояса — тот самый, украденный у торговца — и вонзил его во второй раз с размаху, прямо в землю у ноги Минь Жуна. Клинок вошёл в камень ворот с таким хрустом, что все замерли. Нож стоял вертикально, в трёх пальцах от пальцев ученика, вибрируя от удара.

Минь Жун замер. На его лице медленно проступила бледность. Он смотрел на нож, потом на Чэнь Юя, и в его глазах мелькнул страх — настоящий, животный страх.

— Ты... — начал он, но голос сел.

Чэнь Юй улыбнулся. Но это была не его улыбка — та, холодная и острая, как лезвие. Это улыбка Гончей.

— Я не люблю, когда трогают мои глаза, — сказал он, и голос его звучал низко, с хрипотцой, которой раньше не было. — Если ты ещё раз протянешь руку, я всажу нож не в камень.

Двое учеников с мечами шагнули вперёд, готовые защитить Минь Жуна. Но он поднял руку, останавливая их.

— Отставить, — сказал он, и его голос дрожал. — Отставить.

Он отошёл назад, споткнулся о корень, но удержался на ногах. Его глаза были широко раскрыты, и он смотрел на Чэнь Юя так, будто видел перед собой не гомункула, а что-то другое — что-то опасное, непредсказуемое, что могло убить его в следующую секунду.

Остальные претенденты тоже смотрели на Чэнь Юя. Тощий парень перестал точить нож. Девушка в чёрном повернула голову и наконец посмотрела на него — впервые за всё время. Хэ Лян сглотнул и медленно дожеввал сухарь.

Чэнь Юй стоял неподвижно, чувствуя, как Гончая внутри него успокаивается, отступает, прячется в глубину. Он снова становился собой — но не до конца. Что-то осталось в его глазах, какой-то холодный блеск, который делал его взгляд странным, почти нечеловеческим.

— Ладно, — сказал Минь Жун, откашлявшись. Он попытался вернуть себе самообладание, но голос всё ещё предательски дрожал. — Ладно. Понял. Ты — не гомункул. Ты — что-то другое. Но это не меняет правил. В лес. Сейчас.

Чэнь Юй медленно вытащил нож из камня, и все увидели, как остриё оставило глубокую царапину в твёрдом граните. Он убрал оружие за пояс и шагнул в темноту леса, не оглядываясь.

Остальные двинулись за ним — тихо, осторожно, держась на расстоянии. Они больше не смотрели на него как на хлам. Теперь он был для них тем, кого лучше не трогать. И Чэнь Юй знал, что это только начало.

Они вошли в лес. Первые сто метров дорога была ещё освещена закатным солнцем, но Гончая уже не спала. Она притаилась внутри, готовая вырваться в любую секунду. Чэнь Юй чувствовал её присутствие — холодное, голодное, ждущее. Он знал, что это не его желание. Это проклятие бога. Но он также знал, что без этой силы он уже был бы мёртв.

Лес становился темнее с каждой минутой, и Чэнь Юй слышал, как его восприятие меняется. Звуки становились острее, запахи — насыщеннее. Он слышал, как где-то в глубине леса падает сухая ветка, как под корой старого дуба шуршит жук, как в траве дышит заяц. Это было странно и пугающе — его тело подстраивалось к темноте, готовилось к переходу.

Через час они наткнулись на поляну, где все деревья были сломаны, как будто через них протащили огромную тушу. Следы на земле были глубокими, с пятью отпечатками, похожими на медвежьи, но в три раза больше обычных. Местами земля была взрыта, как будто здесь кто-то бился, и в траве виднелись клочья серой шерсти, смешанные с тёмными пятнами запёкшейся крови.

— Медведь-мутант, — прошептал тощий парень, впервые показав страх. — Я слышал о нём. Он здесь уже пять лет. Его никто не может убить. У него шкура, которую не пронзает даже сталь.

— А может, у него просто нет слабых мест, — сказал Хэ Лян, но его голос дрогнул.

Тощий обернулся к нему.

— Ты что, был здесь раньше? Видел его?

— Я слышал о нём, — уклончиво ответил Хэ Лян. — Давайте просто уйдём отсюда поскорее, хорошо?

Они двинулись дальше. Лес становился гуще, и тропинка, по которой они шли, начала петлять, уходя то вправо, то влево. Чэнь Юй заметил, что девица в чёрном всё время держится чуть в стороне, как будто ищет что-то. Она останавливалась, приноживалась, трогала кору деревьев, потом снова шла дальше. Чэнь Юй спросил её, что она делает, но она не ответила — только взглянула на него своими холодными глазами и отвернулась.

Внезапно она остановилась и подняла руку. Все замерли.

— Слышите? — сказала она низким голосом.

Сначала тишина. Потом — шорох. В кустах слева что-то двигалось. Не ветер. Не птица. Кто-то большой, с влажным дыханием.

— Быстро, — сказала она. — Налево, за те камни.

Они бросились к россыпи валунов и залегли за ними. Чэнь Юй прижался спиной к холодному камню и услышал, как его сердце бьётся быстрее человеческого. Из кустов вышли лисы. Их было пять — с зеленоватой шерстью и длинными хвостами, которые светились тусклым светом, как гнилушки. Они остановились на поляне и начали кружиться, поднимая лапами сухие листья. Одна из них подошла ближе к валунам и уставилась прямо на Чэнь Юя. Её глаза были жёлтыми, как у кошки, и в них было не злоба, а любопытство — как у ребёнка, который видит что-то странное и хочет потрогать.

— Не двигайся, — прошептала девица. — Если дёрнешься — нападут.

Чэнь Юй замер. Он чувствовал, как Гончая внутри него напряглась, готовая к прыжку. Лиса подошла ещё ближе, обнюхала воздух в его сторону, и её ноздри раздулись. Она уловила

его запах — необычный, чужой. Лиса моргнула, наклонила голову вбок, как птица, и тихо заскулила. Потом она развернулась и ушла за своими сородичами, растворившись в темноте так же тихо, как появилась.

— Ты везучий, гомункул, — выдохнул тощий. — Они могли тебя съесть. Лисы питаются энергией. Если твоя энергия странная — они могли бы тебя высосать.

— Почему они не напали? — спросил Чэнь Юй.

— Потому что они поняли, что ты не просто человек, — ответила девица. — Ты — гомункул. И в тебе сидит кто-то ещё. Они побоялись.

Она сказала это спокойно, как констатацию факта, но Чэнь Юй почувствовал, как у него похолодела спина. Она видела то, что другие не видели.

Они продолжили путь. Через два часа, когда луна уже поднялась высоко, они нашли часовню. Это была маленькая каменная постройка с провалившейся крышей, из которой торчали сухие ветки и пучки травы. Стены были покрыты мхом и плесенью, а на пороге лежала старая кость — то ли человеческая, то ли звериная. Внутри было пусто, только на полу виднелись следы когтей и пятна, похожие на засохшую кровь.

На алтаре — плоском камне, покрытом трещинами — рос одинокий белый цветок. Он светился слабым голубым светом, и от него исходил запах, похожий на мятный чай. Лепестки были полупрозрачными, как лёд, и на них блестели капли росы, хотя ночью в лесу было сухо.

— Это он, — сказал Хэ Лян, подходя ближе. — Цветок лунного света. Говорят, если его выпить, можно увидеть будущее. Или встретиться с духами. Или просто умереть — зависит от удачи.

— Не трогай его, — сказала девица. — Такие цветы часто прокляты. Это может быть приманка.

Но Чэнь Юй уже протянул руку. Он знал, что ему нужно принести любой предмет. Цветок был единственным, что здесь было ценного. Он сорвал его — лепестки обожгли пальцы холодом, таким сильным, что на мгновение он перестал чувствовать руку. Он спрятал цветок за пазуху и повернулся к остальным.

— Теперь назад. До рассвета осталось часа три.

Они вышли из часовни. Воздух стал холоднее, и Чэнь Юй чувствовал, как его дыхание превращается в пар. Луна спряталась за облаками, и лес погрузился в полную темноту. Он шёл, ориентируясь по памяти, и сначала казалось, что всё идёт по плану. Те же ориентиры, те же деревья с искривлёнными стволами, тот же запах сырости.

Но когда они прошли две версты, Чэнь Юй понял: лес изменился. Тропа, по которой они пришли, исчезла. Деревья стояли по-другому, камни были смещены, и на земле не осталось следов.

— Мы заблудились, — сказал он тихо.

— Нет, — ответила девица, но в голосе её слышалась неуверенность. — Лес пытается нас запутать. Это его защитный механизм.

— Или мы просто наступили на территорию медведя, — добавил Хэ Лян, оглядываясь.

В этот момент из темноты вышел он.

Медведь был огромным — под два с половиной метра в холке, с серебристой шерстью, которая переливалась в лунном свете. Его глаза горели красным, как угли, и из пасти капала слюна, смешанная с кровью. Он был в два раза выше самого высокого из них и пах смертью — старой, запёкшейся, вьёвшейся в шерсть.

Он увидел их и замер, оценивая добычу.

— Бегите, — сказал тощий парень, выхватывая нож. — Я задержу его.

— Ты с ума сошёл! — крикнул Чэнь Юй. — Ты против него ничего не сможешь!

— Я знаю, — ответил тощий и улыбнулся. — Но я быстрее вас. Это даст вам минуту. Может, две.

Он бросился на медведя с криком, и зверь переключил внимание на него. Чэнь Юй побежал, чувствуя, как адреналин заливает кровь, как мышцы гомункула работают быстрее, чем когда-либо. Он слышал, как за спиной кричит тощий, как трещат ветки, как медведь рычит. Он бежал, пока не упал, споткнувшись о корень. Колено взорвалось болью, но он встал и побежал дальше, не оглядываясь.

Через несколько минут он понял, что один. Девушка и Хэ Лян исчезли — то ли разбежались в разные стороны, то ли их настиг медведь. Чэнь Юй стоял в центре леса, и вокруг не было ни звука. Только его дыхание и бешено бьющееся сердце.

Он пошёл на север, надеясь, что это выведет его к городу. Он пробирался через кусты, перепрыгивал через гнилые стволы, и вдруг остановился. Перед ним выросла стена из живых деревьев, которые двигались, переплетая свои ветви, как пальцы. Лес закрывал ему путь.

И в этот момент он услышал рычание за спиной.

Чэнь Юй обернулся. Медведь стоял в десяти шагах. Его пасть была покрыта кровью. Не его. Кровью тощего парня. Чэнь Юй не знал, жив ли тот, но у него не было времени гадать.

Он вытащил нож. Руки дрожали. Солнце уже село полностью, и тьма сгустилась до черноты. Гончая внутри него билась, как зверь в клетке, и Чэнь Юй чувствовал, как контроль ускользает. Он пытался удержать её, сжимая кулаки, стискивая зубы, но это было похоже на попытку удержать воду в ладонях.

Медведь шагнул к нему. Чэнь Юй отступил, но споткнулся о корень и упал на спину. Нож выпал из руки и улетел в темноту. Он остался безоружным, с разбитым коленом и с Гончей, которая рвалась наружу.

— Нет, — прошептал он. — Не сейчас. Я сам.

Но Гончая не слушала. Она чувствовала опасность, чувствовала смерть, и она хотела жить. Она хотела вырваться.

Медведь навис над ним, и Чэнь Юй увидел, как поднимается его лапа, готовая обрушиться на его голову. Он закрыл глаза и подумал: всё. Конец.

И в этот момент он отпустил контроль.

Он не знал, что произошло в следующие секунды. Он помнил только, как его тело перестало болеть, как тьма стала прозрачной, как он увидел медведя не глазами, а чем-то другим — нутром. Он видел его слабые места, его дыхание, его страх. Он видел, как кровь течёт по его жилам, как бьётся его сердце в груди. Он чувствовал его запах — горячий, металлический, живой.

Чэнь Юй вскочил, не чувствуя боли. У него не было ножа, но он знал, что его руки могут быть оружием. Он ударил — кулаком, в горло. Медведь захрипел, отступил на шаг. Чэнь Юй ударил снова — в глаз, и зверь зашатался. Но Гончая была быстрой, а медведь был огромным. Чэнь Юй понимал, что не сможет убить его голыми руками. Он должен был бежать. Но ноги не слушались — колено отказывало, и он снова упал на колени.

Медведь, шатаясь, пошёл на него.

И тогда Чэнь Юй закричал. Он не молился, не звал на помощь. Он просто заорал, впуская в голос всю боль, всё отчаяние и всю ярость, которая кипела в его груди. Он кричал на бога, которого никогда не видел, на мир, который выбросил его на свалку, на себя — за то, что поверил, что можно начать сначала.

— ПОЧЕМУ?! ПОЧЕМУ ТЫ МОЛЧИШЬ?! ТЫ ЖЕ ВИДИШЬ! ТЫ ВИДИШЬ, ЧТО Я УМИРАЮ! ТЫ ОБЕЩАЛ! ТЫ СКАЗАЛ, ЧТО ДАШЬ МНЕ ШАНС! А ГДЕ ОН?! ГДЕ ТВОЯ ПОМОЩЬ?! Я ЗДЕСЬ, В ЭТОМ ЛЕСУ, МЕНЯ СЕЙЧАС СОЖРУТ, А ТЫ МОЛЧИШЬ! ГДЕ ТЫ?! ПОЧЕМУ ТЫ НЕ ПРИХОДИШЬ?!

Голос сорвался на хрип. Он захлёбывался кровью, которая текла из разбитого носа и рассечённой губы, но продолжал кричать, вкладывая в слова всё, что накопилось за три дня унижений, страха и голода.

— Я СДЕЛАЮ ВСЁ! Я ПРОЙДУ ЛЮБОЕ ИСПЫТАНИЕ! Я ПОДНИМУСЬ НА ВЕРШИНУ! Я СТАНУ ТЕМ, КОГО ТЫ ХОЧЕШЬ ВИДЕТЬ! НО ТЫ ДОЛЖЕН МНЕ ПОМОЧЬ! Я НЕ МОГУ ТАК! Я НЕ ХОЧУ УМИРАТЬ ЗДЕСЬ, В ЭТОЙ ГРЯЗИ, ОДИН!

Он кричал, не замечая, что медведь замер. Зверь прислушивался к странному человеку, который вдруг начал разговаривать с небом, кричать на пустоту, на звёзды, которых не было видно. Медведь не понимал, что происходит, и на секунду замешкался. Он наклонил голову, принюхался, пытаясь понять, не ловушка ли это.

Этой секунды Чэнь Юю хватило. Он не видел медведя, не слышал его дыхания. Он просто знал, что если не сделает что-то сейчас — умрёт. Он нащупал рукой камень — тяжёлый, острый, с холодной поверхностью — и со всей силы швырнул его в ту сторону, откуда шёл запах смерти.

Камень попал в глаз. Медведь взревел так, что лес содрогнулся. Он отступил, мотая головой, ослеплённый и дезориентированный. Кровь хлестала из раны, и зверь бил лапами по воздуху, пытаясь сбить невидимого врага.

Чэнь Юй знал, что это не конец. Он понимал, что медведь не уйдёт, что он вернётся, как только утихнет боль. У Чэнь Юя не было сил даже подняться. Он лежал на земле, глядя в чёрное небо, где не было ни одной звезды, и ждал.

Он ждал смерти. Или чуда. Или просто конца этой муки.

И тогда над лесом взошла луна.

Он не понял, что произошло. Сознание просто выключилось, как лампочка, которую выдернули из розетки. Чэнь Юй перестал чувствовать землю под спиной, перестал слышать рёв медведя, перестал ощущать боль в разбитом колене. Вместо этого была пустота — не та, что он чувствовал, когда умер в прошлой жизни, а другая. Белая. Холодная. Бесконечная.

Он стоял. Или не стоял. В этом месте не было ни верха, ни низа, ни стен, ни пола. Только белый свет, который лился отовсюду и ниоткуда одновременно. Чэнь Юй попытался сделать шаг, но ноги не слушались — или он просто не понимал, как здесь двигаться.

— Ну наконец-то, — раздался голос. Знакомый голос. Тот самый, что звучал в тьме, когда он подписывал пари.

Чэнь Юй обернулся. Перед ним стоял силуэт — размытый, мерцающий, похожий на человека, но не совсем. Он был похож на статую, которую долго поливали водой, и она начала течь, теряя формы. Плечи стекали в локти, локти — в кисти, голова напоминала расплавленный воск. Но в этом хаосе угадывались глаза — два тёмных пятна, которые смотрели на Чэнь Юя с нескрываемым интересом.

— Ты кричал, — сказал бог. Его голос был спокойным, почти ленивым, как у человека, который смотрит на муравья, пытающегося перетащить соломинку. — Ты так громко кричал, что я решил: дай-ка я посмотрю, что там за шум. А ты лежишь на земле, истекаешь кровью, а на тебя идёт медведь. И ты кричишь мне. Как будто я должен тебе помогать.

Чэнь Юй открыл рот, чтобы ответить, но не нашёл слов. Он всё ещё не понимал, где находится, жив ли он вообще. Но гнев, который он чувствовал там, в лесу, никуда не ушёл. Он кипел внутри, ища выхода.

— Ты обещал, — сказал Чэнь Юй, и голос его дрожал. — Ты сказал, что я получу шанс. Что я начну с нуля, но у меня будет возможность подняться.

— Шанс, — бог хмыкнул, и его силуэт колыхнулся, как отражение в воде. — Я дал тебе шанс. Ты родился заново. У тебя есть тело. У тебя есть цель. Ты уже использовал этот шанс? Или ты лежал на земле и ждал, что кто-то придёт и спасёт тебя?

— Я дрался!

— Ты схватил камень и бросил в медведя. Это не бой. Это отчаяние. Разница есть, и она огромна.

Чэнь Юй замолчал. Он хотел возразить, сказать что-то колкое, острое, но слова застре-
вали в горле. Потому что бог был прав. Он действительно лежал на земле и ждал смерти. Он
не боролся до конца. Он просто кричал.

— Но я здесь, — сказал он тихо. — Значит, я ещё жив.

— Жив, — согласился бог. — Но ненадолго. Тот медведь, он не ушёл. Он просто ждёт,
пока ты перестанешь кричать. И тогда он доест тебя. Так что у тебя есть минута, может быть,
две, чтобы решить: ты хочешь умереть здесь, в этом лесу, как бездомный пёс, или ты хочешь
выжить и доказать, что ты чего-то стоишь?

Чэнь Юй сжал кулаки. Внутри него закипала ярость — не та, горячая и хаотичная, кото-
рую давала Гончая, а другая. Холодная. Трезвая. Та, что помогала ему в прошлой жизни под-
писывать контракты, разоряя конкурентов.

— Я хочу выжить, — сказал он.

— Тогда я дам тебе кое-что, — бог протянул руку — или то, что её заменяло. В воздухе
перед Чэнь Юем возникла рябь, и он увидел предмет: маленький осколок стекла, который
висел в белом пространстве, переливаясь всеми цветами радуги. — Это «Иллюзорный Скол
Реальности». Ты сможешь создавать стекло из своей ци. Оно будет лгать миру, манипулировать
вероятность и подстраивать реальность, заставляя мир верить, что оно существует. И эта ложь
станет достаточно реальной, чтобы ранить, защищать и убивать. Пользуйся.

— Спасибо! — вскрикнул Чэнь Юй.

— За что? — спросил бог, — Я лишь пробудил твой же навык, о котором рано или поздно
ты бы узнал.

Чэнь Юй протянул руку и коснулся осколка. И в этот момент белое пространство взо-
рвалось болью, звуками, запахами. Он снова лежал на земле, в лесу, и над ним стояла луна.
Медведь уже не ждал — он шёл на него, поднимая лапу для последнего удара.

Чэнь Юй не думал. Он не анализировал, не просчитывал последствия. Он просто дей-
ствовал, как учил его бог. Он выбросил руку вперёд и сжал кулак.

Воздух перед ним с громким хрустом покрылся сетью трещин. Они расползлись в разные
стороны, как паутина, и в следующее мгновение превратились в плотный барьер из мутного,
радужного стекла. Лапа медведя врезалась в него, и вместо того, чтобы разбить его вдребезги,
она застряла в нём, как в густом киселе. Стекло не раскололось — оно прогнулось, впитало
удар, и медведь взревел от боли, потому что его ци начала рассеиваться, как свет в призме.

Чэнь Юй почувствовал это. Он чувствовал, как стекло поглощает энергию зверя, как она
течёт по трещинам, уходит в никуда. И в этот момент он понял, что может сделать больше. Он
сжал кулак, и барьер разбился. Но осколки не упали на землю — они застыли в воздухе, паря
вокруг него, как сотни маленьких звёзд.

Чэнь Юй поднялся на ноги. Он не чувствовал боли в колене, не чувствовал усталости.
Он чувствовал только холодную, кристальную ясность. Он выбросил руку вперёд, и несколько
осколков метнулись к нему, сливаясь в его ладони. Они вытянулись, заострились, превращаясь
в тонкую стеклянную сосульку — острую, холодную, мерцающую в лунном свете.

Медведь отступил, но Чэнь Юй не дал ему уйти. Он шагнул вперёд, и его рука с сосуль-
кой описала дугу, вонзаясь в бок зверя. Стекло вошло в плоть с мокрым хрустом, и вокруг
раны моментально расползлась белая изморозь. Медведь взревел, но Чэнь Юй не остановился.
Он сжал кулак, и стеклянная сосулька в груди зверя взорвалась, разлетаясь на сотни мелких
осколков внутри тела.

Медведь зашатался. Он попытался ударить лапой, но Чэнь Юй уже был сбоку, уходя от
удара. Он снова выбросил руку вперёд, и из воздуха возникла ещё одна сосулька — длиннее,
острее. Он вонзил её в горло зверя, и стекло оставило глубокий, колотый разрез. Кровь хлынула
чёрным потоком, смешиваясь с инеем, который расползался по ране.

Медведь упал на колени. Он пытался дышать, но лёгкие его были пронизаны осколками, которые не давали сделать вдох. Он смотрел на Чэнь Юя, и в его красных глазах не было злобы — только удивление. Как будто он не мог поверить, что этот маленький, израненный человек смог сделать это.

Чэнь Юй стоял над ним, тяжело дыша. Его руки дрожали, а стеклянная сосулька в его ладони медленно таяла, превращаясь в светящуюся пыль, которая растворялась в воздухе.

— Я не умру здесь, — сказал он, обращаясь к небу. — Ты слышишь? Я не умру.

Он сделал только один шаг. Левую ногу поднял, перенёс вес вперёд, и в этот момент в голове что-то щёлкнуло. Не звук, не голос, не образ. Просто знание — плотное, холодное, чужое, как будто кто-то вставил ему в мозг стеклянную пластинку с выгравированными письменами. Он остановился, замер на полусогнутой ноге, и перед внутренним взором развернулся текст. Строки всплывали одна за другой, беззвучно, но отчётливо, как будто он читал книгу, которая была написана внутри его черепа.

«Великая Двуличная Гончая. Эволюция: Адаптация боли».

Чэнь Юй моргнул, пытаясь понять, что он видит. Текст не исчезал — он висел перед глазами, полупрозрачный, сделанный из того же холодного света, что и осколки, которые он только что создавал.

«Гончая адаптируется к нанесённому урону. Каждое повреждение, зафиксированное телом после момента эволюции, запоминается системой. При повторении аналогичного типа атаки организм адаптирует болевые рецепторы, снижая чувствительность до полного исчезновения болевого синдрома. Физический урон остаётся. Смертельные ранения сохраняют летальность. Адаптация не регенерирует, не лечит, не укрепляет ткани. Только боль. Гончая не чувствует — Гончая помнит».

Чэнь Юй стоял неподвижно, переваривая информацию. Он понял всё сразу — и одновременно не понял ничего. Он видел слова, понимал их смысл, но осознание того, что это значит для него, приходило медленно, как тягучий мёд.

Эволюция. Его навык, Гончая, только что стала сильнее. Но не в том смысле, в котором он ожидал. Она не дала ему больше силы, скорости или ярости. Она дала ему нечувствительность. Адаптацию к боли. Но только к той боли, которую он испытает после этого момента.

Чэнь Юй стиснул зубы. Все раны, которые он получил до сих пор — удар медведя, разбитое колено, порезы от веток, царапины от лисьих когтей — всё это было бесполезно. Система не засчитала их. Они не дали ему ничего, кроме боли, которую он уже чувствовал. Он мог бы кричать от досады, но вместо этого он просто выдохнул, медленно, глубоко.

— Ты шутишь, — прошептал он в пустоту. — Ты серьёзно шутишь.

Но бог не ответил. Лес молчал. Луна висела над головой, холодная и равнодушная. Чэнь Юй посмотрел на свои руки — грязные, в ссадинах, в запёкшейся крови. Он не знал, сколько ран он получил до эволюции. Но он знал, что теперь каждая новая рана будет иметь значение. Каждый новый удар, каждый порез, каждая царапина — всё это будет записано. И когда враг попытается повторить атаку, он уже не почувствует боли. Он будет стоять, как каменное изваяние, и смотреть, как клинок входит в его плоть, не чувствуя ничего.

Он попытался активировать навык намеренно. Он закрыл глаза, сосредоточился на том, что только что увидел, попытался представить, как его тело запоминает отсутствие боли. Ничего не произошло. Он не чувствовал изменений. Эволюция была пассивной — она работала только тогда, когда он получал урон. И только после того, как бог дал ему этот навык.

Чэнь Юй открыл глаза и посмотрел на свою левую руку. На предплечье была длинная царапина — он получил её, когда пробирался через колючие кусты пару часов назад. Он коснулся её пальцами, и боль отозвалась острой вспышкой. Бесполезно. Эта царапина не засчитана. Он будет помнить эту боль до конца жизни, а его тело не адаптируется к ней никогда.

— Хорошо, — сказал он вслух. — Хорошо, я понял. Правила игры изменились.

Он выпрямился и сделал второй шаг. Колено всё ещё болело, но он научился не обращать внимания на боль. В прошлой жизни он тоже умел это делать. Он вспомнил, как вёл переговоры со сломанным ребром, как подписывал контракты с температурой под сорок. Боль была просто сигналом. И если он сможет адаптироваться к ней — если его тело научится игнорировать сигналы — он станет сильнее.

Он двинулся вперёд, оставляя за спиной тело мёртвого медведя, которое медленно покрывалось инеем. Ему нужно было найти остальных претендентов. Или хотя бы выбраться из этого леса до рассвета. У него оставалось часа два, может быть, три. И теперь у него было новое оружие — не стекло, не Гончая, а обещание того, что он перестанет чувствовать боль.

Но он также знал: это обещание — палка о двух концах. Если он перестанет чувствовать боль, он может не заметить, что умирает. Он может истечь кровью и не понять этого, пока не упадёт. Адаптация не лечит. Она только отключает сигналы. И если он забудет об этом, он умрёт, думая, что всё в порядке.

Чэнь Юй усмехнулся. Впервые за долгое время его улыбка была настоящей — горькой, но настоящей.

— Как в старые времена, — сказал он сам себе. — Рисковать всем, надеясь, что не про-
срёшься.

Глава 2: «Кровавый» Лотос

Он вышел из леса за час до рассвета. Луна уже клонилась к горизонту, и небо на востоке начинало сереть, обещая скорый рассвет. Чэнь Юй шёл, с трудом переставляя ноги, каждое движение отдавалось тупой болью в разбитом колене. Но он держался прямо, не позволяя себе согнуться, не позволяя себе показать слабость.

Ворота города возникли из темноты неожиданно — чёрные силуэты на фоне серого неба. Возле них уже стояли люди. Чэнь Юй разглядел знакомые фигуры: девушку в чёрном, которая опиралась на стену и тяжело дышала, и Хэ Ляна, который сидел на земле и держал в руках что-то большое, завернутое в куртку. Рядом с ними стояли ученики «Красного Лотоса» с фонарями, и Чэнь Юй заметил среди них Минь Жуну. Тот стоял чуть поодаль, сложив руки на груди, и его лицо было напряжённым.

Когда Чэнь Юй подошёл ближе, он увидел, что Хэ Лян держит в руках тело. Тощий парень лежал на земле, его глаза были открыты и смотрели в небо, а грудь была разорвана — глубокие, рваные раны, оставленные медвежьими когтями. Кровь уже застыла, превратившись в чёрные корки, но Чэнь Юй всё равно отвернулся. Он не хотел смотреть на это. Он не знал, как зовут тощего, не знал, откуда он, но он помнил, как тот сказал: «Я быстрее вас. Дайте мне минуту». И он дал им эту минуту. Он отдал свою жизнь за то, чтобы остальные могли бежать.

— Он умер, — сказал Хэ Лян. Голос его был глухим, безжизненным. — Я нашёл его в кустах. Медведь не доел его. Просто оставил истекать.

Чэнь Юй не знал, что ответить. Он стоял молча, глядя на труп, и в голове крутилась только одна мысль: этот парень мог бы выжить, если бы не решил задержать зверя. Но он решил. И теперь он лежит здесь, на холодной земле, а Чэнь Юй стоит перед ним и не знает, что сказать.

— Ты тоже видел медведя? — спросила девушка в чёрном. Она говорила тихо, почти без эмоций, но Чэнь Юй заметил, как дрожит её голос.

— Видел, — ответил он. — Я убил его.

Все замолчали. Хэ Лян поднял голову и уставился на Чэнь Юя широко раскрытыми глазами. Девушка в чёрном замерла. Минь Жун шагнул вперёд, и его лицо исказилось от недоверия.

— Ты убил медведя? — переспросил он. — Тот медведь, мутант, который живёт в лесу пять лет? Ты его убил?

— Да, — сказал Чэнь Юй. Он не собирался врать, не видел в этом смысла. — Он мёртв. Я оставил его там, в лесу. Тело лежит к северо-востоку от часовни. Можете проверить.

Минь Жун смотрел на него, и в его глазах мелькнуло что-то странное — смесь страха, уважения и недоверия. Он не мог поверить, что этот гомункул, который ещё три дня назад был никем, убил зверя, которого не могли победить даже опытные ученики.

— Ты врешь, — сказал он, но голос его дрогнул.

— Я не вру, — ответил Чэнь Юй. — Мне это не нужно.

— Если он врёт, — сказал Хэ Лян, поднимаясь на ноги, — то почему он живой? Мы все видели медведя. Мы все бежали. Только один вернулся с его запахом. И этот гомункул стоит здесь, целый, с ножом и с цветком за пазухой. Ты хочешь сказать, что он просто сбежал? Ты хочешь сказать, что он просто спрятался?

Минь Жун замолчал. Он смотрел на Чэнь Юя, и в его глазах мелькнуло нечто похожее на страх. Чэнь Юй не отводил взгляда. Он стоял прямо, его лицо было спокойным, как вода в пруду. Он прошёл через этот лес, он убил медведя, он получил эволюцию навыка, он создал осколки из воздуха и заморозил кровь зверя.

— Ладно, — сказал Минь Жун, отводя взгляд. — Допустим. Но это не имеет значения. У нас есть правила. Вы должны были вернуться все вместе. А один из вас мёртв. Значит, вы провалили испытание.

Чэнь Юй не шевельнулся.

— Он умер, защищая нас, — сказал Чэнь Юй. — Он отдал свою жизнь, чтобы мы могли бежать. И мы принесли его тело. Мы не бросили его в лесу.

— Правила есть правила, — упрямо повторил Минь Жун, но в его голосе уже не было прежней уверенности.

— А что там за цветок у тебя? — спросила девица в чёрном, подходя ближе. Она указала на грудь Чэнь Юя, откуда торчал белый голубоватый стебель.

Чэнь Юй вытащил цветок лунного света. Он всё ещё светился, хотя лепестки начали увядать. Девица подошла ближе и принялась.

— Он настоящий, — сказала она. — Он из часовни.

— Значит, он выполнил задание, — сказал Хэ Лян. — Он принёс предмет. Мы тоже принесли. Каждый из нас.

Он вытащил из кармана кусок старой коры, покрытой мхом. Девица в чёрном молча выложила на землю маленький камушек с синими прожилками — кварц, как понял Чэнь Юй. Все трое выполнили условие.

Минь Жун посмотрел на их трофеи, потом на труп тощего, потом на Чэнь Юя. Он явно не хотел признавать их успех, но аргументов у него не было. Испытание было пройдено. Даже если один из них погиб, они принесли его тело. Они не бросили товарища. Это было важно.

— Ладно, — сказал он, наконец, сдаваясь. — Ладно. Вы прошли. Завтра в полдень явитесь в школу «Красный Лотос». Старейшина Сюн Ли вручит вам ученические письма. А теперь убирайтесь. Мне нужно доложить о смерти этого парня.

Он кивнул в сторону тощего и отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

Чэнь Юй, Хэ Лян и девица в чёрном молча разошлись. Чэнь Юй не знал, куда идти, но ноги сами понесли его к городской стене, где он провёл последние три ночи. Он шёл медленно, чувствуя, как усталость наваливается на плечи тяжёлым грузом. Но внутри него что-то изменилось. Он не был тем же человеком, который вошёл в лес. Он был сильнее. Он был опаснее. И он знал, что завтрашний день начнёт его новую жизнь.

На городской стене нашлось место. Он сел, прислонившись спиной к холодному камню, и закрыл глаза. Через несколько часов он должен был прийти в школу. У него не было денег, не было вещей, только нож, цветок лунного света и знание того, что он может создавать стекло из воздуха и адаптироваться к боли. Этого было достаточно. Этого должно было хватить.

А в это время Хэ Лян вместе с Минь Жуном и ещё двумя учениками «Красного Лотоса» шли через лес к тому месту, где Чэнь Юй оставил тело медведя. Ученики несли факелы, хотя ночь уже почти кончилась — заря разгоралась, окрашивая верхушки деревьев в золотисто-розовый цвет. Хэ Лян шёл впереди, ориентируясь по следам, которые Чэнь Юй оставил на земле. Следы были странными — глубокими, неровными, с резкими поворотами, как будто человек двигался рывками, нечеловеческими скачками.

— Ты уверен, что мы идём правильно? — спросил Минь Жун, который шёл позади, стараясь не замечать, как его ноги вязнут в грязи. — Может, он просто сбежал и сказал, что убил зверя, чтобы казаться героем?

— Следы ведут в ту сторону, — ответил Хэ Лян, указывая на землю. — И он не врал. Я видел его глаза, когда он говорил. Он не врал.

Минь Жун хмыкнул, но ничего не сказал. Он всё ещё не верил, что этот тощий гомункул, который едва стоял на ногах, мог убить медведя-мутанта, который наводил страх на весь лес пять лет. Но он шёл, потому что должен был убедиться сам. Если окажется, что Чэнь Юй солгал, он выгонит его из школы даже раньше, чем тот получит ученическое письмо.

Они шли ещё четверть часа, пока лес не начал редеть, и впереди не показалась поляна, заваленная сломанными ветками и вывороченными корнями. Земля была изрыта, как будто здесь прошла битва. И в центре этой разрушенной поляны лежало тело медведя.

Оно было огромным — не меньше двух с половиной метров, с серебристой шерстью, которая теперь была покрыта пятнами запёкшейся крови и инея. Медведь лежал на боку, его лапы были раскинуты, а голова повёрнута так, что был виден разорванный глаз — глубокое, рваное отверстие, из которого всё ещё сочилась чёрная кровь. Но это было не самое страшное.

В груди медведя зияла дыра. Вокруг неё шерсть и кожа были покрыты странными, стеклянными наростами, которые блестели в лучах восходящего солнца. Они были похожи на кристаллы, которые выросли изнутри тела зверя, пробив его насквозь. Иней покрывал всю рану, распространяясь по коже медведя, как морозный узор.

Хэ Лян подошёл ближе и присел на корточки. Он протянул руку и коснулся одного из стеклянных наростов. Они были холодными, твёрдыми, и от них исходил слабый свет, похожий на тот, что излучал цветок лунного света. Хэ Лян осторожно потянул один из осколков, и он легко отделился от тела медведя, оставляя за собой чистый срез, как будто был сделан хирургическим скальпелем.

— Что это за хрень? — спросил один из учеников, подходя ближе. Его лицо было бледным, и он смотрел на рану медведя с ужасом. — Это какой-то демонический навык? Я никогда не видел ничего подобного.

Минь Жун стоял неподвижно, глядя на тело. Он не мог отвести взгляд от груди зверя, где всё ещё виднелись следы того, что сделал Чэнь Юй. Он подошёл ближе и провёл рукой по шерсти, которая покрылась инеем.

— Он убил его, — сказал он, и голос его звучал глухо, как будто он всё ещё не мог поверить в это. — Он убил его так, как не убивал никто из нас. Это не просто удар мечом. Это что-то другое.

Ученики переглянулись. Они знали много навыков ци, но такого они не видели никогда. Стекло из воздуха? Замороженные раны? Это было нечто, что выходило за пределы их понимания.

— Он не человек, — сказал один из учеников, отступая от тела. — Он демон. Или что-то похуже.

— Он не демон, — сказал Хэ Лян, но в голосе его не было уверенности. — Он просто сильный. И он будет учиться с нами.

Минь Жун повернулся и посмотрел на Хэ Ляна. В его глазах мелькнул страх — настоящий, животный страх, который он не мог скрыть.

— Ты понимаешь, что это значит? — спросил он. — Этот гомункул, этот чужак, он сильнее нас. Он сильнее меня. Он сильнее, чем многие ученики, которые учатся здесь уже пять лет. Если он придет в школу, он станет нашим врагом. Или нашим союзником. Но он не будет нашим другом. Он вообще не будет ничьим другом.

— Зато он будет нашим учеником, — сказал Хэ Лян. — И это — лучшее, что могло случиться со школой «Красный Лотос» за последние годы.

Он убрал стеклянный осколок в карман и повернулся к выходу из леса.

— Нам нужно вернуться, — сказал он. — Мы должны сказать старейшине, что Чэнь Юй действительно убил медведя. И он сделал это так, как не может сделать никто из нас.

Минь Жун смотрел на тело медведя до тех пор, пока они не скрылись за деревьями. Он думал о том, что произойдёт завтра, когда Чэнь Юй придёт в школу. Он думал о том, что этот странный гомункул с глазами разного цвета будет учиться рядом с ним. И он чувствовал, как холодный страх сжимает его внутренности.

В школе появилось нечто новое. И это нечто было смертельно опасным.

Чэнь Юй шёл к школе «Красный Лотос» через город, который просыпался после ночи. Ветвистый Ручей жил своей обычной жизнью — торговцы открывали лавки, носильщики тащили тюки, где-то плакал ребёнок, где-то ругались на повышенных тонах. Чэнь Юй прошёл мимо рынка, где пахло жареной рыбой и свежим хлебом, и его желудок скрутило от голода. Он не ел со вчерашнего дня, но денег не было, и он просто прошёл мимо, стараясь не смотреть на еду.

Его одежда была в крови и грязи, но он не мог ничего с этим сделать. Он только ополоснул лицо в городском фонтане, когда проходил мимо, и попытался отряхнуть куртку, но пятна въелись в ткань и не собирались исчезать. Чэнь Юй решил, что это неважно. В школе боевых искусств, где текут реки крови, вряд ли кто-то обратит внимание на грязную одежду новичка.

Дорога заняла около получаса. Чэнь Юй шёл медленно, потому что колено всё ещё болело, и каждый шаг отдавался тупой пульсацией в суставе. Он пытался не хромать, но тело не слушалось. В прошлой жизни он привык скрывать боль, но здесь, в этом мире, его тело было чужим, и он не всегда мог им управлять.

Когда он подошёл к школе, он остановился и посмотрел на неё впервые засветло. Днём здание казалось ещё более обычным, чем ночью — тёмное дерево, облупившаяся краска, потрескавшиеся ставни. Но цветы делали его необычным. Лотосы росли повсюду: на стенах, на крыше, на пороге. Они свешивались длинными стеблями, и их ярко-красные бутоны казались каплями крови, застывшими на дереве. Рядом со зданием росли деревья с алыми лепестками — они падали на землю и устилали её ковром, который хрустел под ногами, как сухие листья. Чэнь Юй поднял один лепесток и посмотрел на него. Он был крупным, бархатистым на ощупь, и от него исходил слабый, сладковатый запах. Чэнь Юй подумал, что эти деревья напоминают сакуру, но сакура была розовой и нежной, а эти цветы были алыми, почти кровавыми, и от них веяло чем-то опасным.

Он шагнул внутрь через широкие ворота, и двор школы открылся перед ним. Он был больше, чем Чэнь Юй ожидал — прямоугольное пространство, окружённое зданиями, с каменным покрытием, которое было выщерблено от ударов и усеяно трещинами. В центре двора стояли деревянные манекены — десятки высоких столбов с выступами, которые имитировали руки и ноги, и на них виднелись следы многочисленных ударов. Чэнь Юй заметил, что дерево на некоторых из них было расщеплено так глубоко, что сквозь щели виднелась белая сердцевина.

Вдоль стен висело оружие. Мечи, ножи, копья, палки, молоты — Чэнь Юй насчитал несколько десятков видов, и некоторые из них он видел впервые. В стороне стояли стойки с тренировочными мечами из дерева и бамбука, и они были изношены до блеска, как будто их использовали каждый день. На заднем дворе, который был виден через открытую арку, стояли стержни, вбитые в землю, — высокие металлические шесты, покрытые следами ударов. Чэнь Юй заметил, что некоторые из них были погнуты, как будто по ним били огромной силой.

Но главное, что бросилось ему в глаза, — это кровь. Она была повсюду. Тёмные пятна на камнях, следы на деревянных манекенах, полосы на стенах. Некоторые пятна были свежими, почти влажными, другие — старыми, почти чёрными. Чэнь Юй понял, что здесь постоянно кто-то сражается. Это был не просто двор для тренировок — это было поле боя.

И на этом поле боя было много людей. Очень много. Чэнь Юй остановился и огляделся, пытаясь понять, куда ему идти. Люди были везде: они тренировались, они разговаривали, они сидели и медитировали. Но больше всего его поразило то, что здесь были взрослые мужчины. Не подростки, как он ожидал, а взрослые, зрелые мужчины с сединой в бородах, с тяжёлыми мышцами и грубыми лицами. Некоторые из них носили формы с золотыми нашивками — мастера, как понял Чэнь Юй. Они двигались среди учеников, поправляя позы, давая советы, иногда нанося лёгкие удары, чтобы ученики поняли ошибку.

Были здесь и дети — совсем маленькие, лет десяти. Они стояли в ряд у восточной стены и повторяли движения за старшим учеником. Чэнь Юй заметил, что их удары были точными, выверенными, без лишних движений. Они учились ломать кости с десяти лет, и это было странно и пугающе одновременно.

Чэнь Юй подошёл к группе новичков, которая собиралась у главного входа. Их было около двенадцати — парни и девушки, прошедшие отбор в разные дни. Он узнал девушку в чёрном — она стояла чуть поодаль, скрестив руки на груди, и её лицо было таким же спокойным и холодным, как в лесу. Он узнал Хэ Ляна, который жевал сухарь и смотрел на новичков с лёгкой улыбкой. Хэ Лян заметил Чэнь Юя и подмигнул ему, не переставая жевать.

Остальные были незнакомыми. Трое парней стояли в центре, переговариваясь между собой, и один из них громко смеялся. Две девушки стояли у стены, и одна из них держала маленький нож и точила его о камень. Чэнь Юй заметил, что новички, которые прошли испытание раньше, смотрели на тех, кто пришёл из его группы, с любопытством и настороженностью. Они знали, что произошло в лесу. И они знали, что Чэнь Юй убил медведя.

Чэнь Юй встал в ряд, стараясь не выделяться. Он слышал, как кто-то прошептал: «Это тот самый гомункул?» и почувствовал, как на него смотрят. Он не обернулся, не посмотрел в ту сторону. Он просто стоял и ждал, когда начнётся церемония.

Через несколько минут из главного здания вышел мастер. Чэнь Юй сразу узнал его — это был тот самый человек, которого он видел на заднем дворе, когда входил. Высокий, с длинными седыми волосами, собранными в хвост, и пронзительными голубыми глазами. На нём была тёмно-красная мантия с вышитым золотым лотосом на груди, и он двигался медленно, но в каждом его шаге чувствовалась сила. Когда он остановился перед шеренгой, все сразу замолчали. Даже ветер затих.

— Я — мастер Сюй, — сказал он, и его голос был низким, с лёгкой хрипотцой, которая делала его похожим на хорошего диктора из старого радио. Чэнь Юй вздрогнул. Этот голос напомнил ему прошлую жизнь, когда он слушал новости по дороге на работу — спокойный, ровный, уверенный. — Вы прошли испытание. Вы доказали, что способны выжить. Теперь вы — часть школы «Красный Лотос».

Он сделал паузу и обвёл взглядом шеренгу. Чэнь Юй заметил, как его взгляд задержался на нём на секунду дольше, чем на других.

— Эта школа не просто школа, — продолжил мастер Сюй. — Это школа при секте «Кровавая Лилия». Одна из старейших демонических сект, которая разрешена имперским законом. Мы не скрываем этого. Мы не делаем вид, что мы чисты и непорочны. Мы убиваем, чтобы защищать. Мы проливаем кровь, чтобы расти. И вы будете делать то же самое.

Новички переглянулись. Кто-то побледнел, кто-то, наоборот, выпрямился. Чэнь Юй заметил, как у одного из парней дрогнули плечи, но он не обернулся, чтобы посмотреть, кто это. Он не хотел показывать, что его что-то удивляет.

— Вы будете учиться здесь два года, — продолжал мастер Сюй. — За это время вы освоите базовые техники ци, научитесь владеть оружием, изучите боевые искусства. Но это не главное. Главное — вы научитесь выживать. Здесь нет слабых. Здесь нет тех, кто жалеет. Если вы боитесь боли, если вы боитесь смерти, если вы боитесь крови — уходите сейчас. Я не буду вас останавливать. Но если вы останетесь — запомните: здесь ваши враги — не только другие школы. Ваши враги — ваши же товарищи.

Он замолчал и посмотрел на них так, будто ждал, что кто-то выйдет из строя. Никто не вышел.

— Теперь правила, — сказал он. — Вы будете носить форму школы. Вы будете приходить на тренировки до рассвета. Вы будете есть только то, что дают вам старшие ученики. Вы не покидаете школу без разрешения. Вы не общаетесь с посторонними. Вы не участвуете в делах, которые не касаются школы. Каждое нарушение будет наказываться.

Он снова сделал паузу, и его голос стал мягче, но от этого не менее угрожающим.

— И главное, — сказал он. — Каждую неделю вы будете проходить бои. Победитель получает право выбора: он может взять вещи проигравшего, его технику, его ци, его жизнь. Это не убийство. Это тренировка. Так что если вы не готовы умереть — вы не готовы стать частью «Красного Лотоса».

Чэнь Юй сглотнул. Он слышал о таких школах — в прошлой жизни он читал книги и смотрел фильмы про боевые искусства, где ученики убивали друг друга, чтобы стать сильнее. Но это было по-настоящему. Он стоял здесь, в этой школе, и мастер Сюй говорил ему, что он может умереть в любой момент. И это было нормально.

— Ваше первое задание, — Мастер сделал паузу, — Пройти нулевой этап.

Чэнь Юй сделал шаг вперёд. Один шаг, который нарушил строй и привлёк к нему внимание всех — и новичков, и старших учеников, которые стояли по краям двора. Он чувствовал, как на него смотрят, но это его не волновало. Он уже привык быть объектом любопытства и презрения. С тех пор как он потерял правый глаз — а он действительно потерял его, вонзив нож в глазницу, чтобы доказать Минь Жуну и остальным, что он не боится боли и готов на всё — его внешность стала ещё более странной. Вместо правого глаза у него была пустая глазница, которую он прикрыл грязной тряпкой, оторванной от своей же куртки. Левый глаз, карий, смотрел на мир с холодной решимостью.

— Что за нулевой этап? — спросил Чэнь Юй. Голос его звучал ровно, без дрожи, хотя внутри всё сжималось от напряжения.

Мастер Сюй посмотрел на него, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на удивление. Он не ожидал, что новичок, который даже не знает основ, осмелится задать вопрос прямо сейчас, после того как были объявлены правила. Но он не рассердился. Вместо этого он повернулся к одному из мастеров, который стоял рядом с ним — низкорослому, коренастому мужчине с короткой стрижкой и шрамом через всю щёку. Этот мастер, которого Чэнь Юй ещё не знал по имени, шагнул вперёд и начал говорить, явно стараясь оправдаться:

— Прошу прощения, глава. Мы не проверили его как следует. Это Минь Жун привёл его после испытания в лесу, он сказал, что парень убил медведя, но я вижу, что он даже не знает основ. Он ничего не понимает в боевых искусствах. Я должен был сам проверить его перед тем, как допускать к церемонии. Минь Жун всегда берёт таких — он думает, что мы сможем сделать из них что-то, но они только тянут нас назад. Этот гомункул даже не знает, что такое нулевой этап! Это же база, основа основ. Он просто тупица. Прошу простите меня!

Чэнь Юй молчал, слушая, как его называют тупицей. Он не обижался. В прошлой жизни его называли и не так, когда он только начинал свой путь в бизнесе. Он знал, что слова — это просто звуки, и они не могут причинить боль, если ты не позволяешь им это сделать. Но внутри него что-то шевельнулось — не гнев, а холодное любопытство. Он хотел понять, что это за мир, в котором он оказался, и почему знание считается чем-то стыдным.

Мастер Сюй поднял руку, останавливая коренастого мастера. Его лицо оставалось спокойным, но в голосе появилась стальная нота.

— Ты слишком быстр с выводами, Вэй Юн, — сказал он, обращаясь к мастеру. — Я слышал, что ты говоришь. Но ты забываешь одну вещь.

Он повернулся к новичкам, и его голос стал громче, так что его слышали все во дворе:

— Я расскажу вам одну историю. Много лет назад, когда я был молодым и только начинал свой путь, я был свидетелем того, как один мальчик пришёл к своему учителю. Он был маленьким, тощим, с грязными руками и пустым взглядом человека, который ничего не знал об этом мире. Он пришёл в школу боевых искусств, и учитель спросил его, что он умеет. Мальчик сказал: «Ничего». Учитель спросил, что он хочет. Мальчик сказал: «Научиться».

Мастер Сюй сделал паузу и посмотрел на Чэнь Юя. Чэнь Юй чувствовал на себе его взгляд, но не отводил глаз.

— Учитель рассмеялся, — продолжил мастер Сюй. — Он сказал мальчику: «Зачем ты пришёл сюда, если ты ничего не знаешь? В школе нет места для незнающих. Тебе нужно было сначала изучить основы, а потом приходить». Но мальчик не ушёл. Он стоял на месте и сказал учителю: «Школа — это место, где учат. Я пришёл сюда, чтобы получить знания. Если я уже знал бы, зачем мне была нужна школа?»

Чэнь Юй заметил, как некоторые из новичков переглянулись. Они не понимали, к чему ведёт мастер Сюй. Но Чэнь Юй понял. Он понял это сразу, как только услышал слова мальчика. Это был он сам — тот, кто не знал ничего, но пришёл, чтобы научиться. И он знал, что мастер Сюй рассказывает эту историю не просто так.

— Учитель мальчика, — сказал мастер Сюй, — был мудрым человеком. Он подумал и сказал: «Ты прав. Школа создана для тех, кто не знает. Я преподам тебе первый урок. Ты будешь стоять здесь, у этих ворот, и смотреть, как другие тренируются. Когда ты запомнишь каждое их движение, когда ты почувствуешь каждую их мысль, ты можешь войти. И тогда я научу тебя».

Мастер Сюй замолчал, и его голос стал тише:

— Мальчик стоял у ворот три дня. Он не ел, не пил, не спал. Он просто смотрел. На четвёртый день учитель вышел к нему и сказал: «Ты видел всё, что можно увидеть. Теперь ты готов». И мальчик стал одним из самых сильных учеников, которых когда-либо знал этот мир.

Он повернулся к Чэнь Юю и посмотрел ему прямо в глаза — в единственный глаз, который у него остался.

— Ты спросил, что такое нулевой этап? — сказал он. — Я отвечу тебе. Ступень закалки тела до критического состояния. Это не уровень ци, не количество побед и не знание техник. Это когда твоё тело становится способным выдержать любые тренировки и не сломаться. Ты должен превратить своё тело в железо, в камень, в сталь. И для этого нужно пройти через боль, через которую не проходят обычные люди.

Чэнь Юй слушал, не перебивая. Он чувствовал, как внутри него что-то меняется — не Гончая, а что-то другое, более глубокое. Он понимал, что мастер Сюй говорит не просто о тренировках. Он говорит о том, что Чэнь Юй должен пройти через испытание, которое сломает любого, кто не готов.

— Как понять, что я прошёл нулевой этап? — спросил Чэнь Юй. Его голос был тихим, но твёрдым.

Мастер Сюй усмехнулся — впервые за всё время. Это не была улыбка, скорее кривая усмешка, которая тронула уголки его губ.

— Ты узнаешь, — сказал он. — Существует проверка. Она простая и сложная одновременно. Ты должен войти в железную деву — саркофаг, внутри которого находятся десятки острых лезвий. Ты должен простоять в нём одну минуту, не двигаясь, не крича, не выходя. Если ты выдержишь — ты прошёл нулевой этап. Если нет — твоё тело будет изрезано так, что тебя будет невозможно собрать по частям.

Он развернулся и пошёл к зданию, не оглядываясь. Его мантия развевалась на ветру, и Чэнь Юй смотрел ему вслед, чувствуя, как холодный пот стекает по спине. Он слышал, как за его спиной кто-то из новичков выдохнул, кто-то тихо выругался, кто-то заплакал. Но Чэнь Юй не плакал. Он стоял и смотрел на пустой двор, где висело оружие и лежала кровь, и думал о том, что только что услышал.

Железная дева. Саркофаг с лезвиями. Одна минута. Он думал о своей адаптации — о том, что теперь каждая рана будет записываться в его теле, и боль от неё будет исчезать при повторении. Но он ещё не получал ран от лезвий. Он не знал, как его тело отреагирует на это. Он не знал, сможет ли его адаптация сработать так быстро, чтобы он перестал чувствовать боль в течение минуты. Но он знал одно: он должен попробовать. Другого пути не было.

Он почувствовал, как кто-то тронул его за плечо. Он обернулся и увидел Хэ Ляна, который смотрел на него с беспокойством.

— Ты в порядке? — спросил Хэ Лян. — Ты выглядишь так, будто только что увидел призрака.

— Я в порядке, — ответил Чэнь Юй. — Я просто думаю.

— О чём?

— О том, как я собираюсь простоять в этой железной деде одну минуту.

Хэ Лян тихо засмеялся, но в смехе его не было веселья.

— Я слышал о ней, — сказал он. — Старшие ученики рассказывали. Это не просто лезвия. Они зачарованы. Они проникают в тело и оставляют раны, которые не заживают неделями. Некоторые говорят, что там есть лезвия, которые режут не плоть, а ци. Если ты будешь пытаться защититься с помощью ци, они просто разорвут твой поток. У нас есть пять дней. Пять дней на то, чтобы подготовиться. Ты знаешь, что будешь делать?

Чэнь Юй молчал. Он не знал, что будет делать. Но он знал, что у него есть навык, которого нет у других. Он знал, что его Гончая адаптируется к боли. И он знал, что он уже пережил худшее, что могло случиться — он умер и родился заново.

— Я знаю, — сказал он, но сам не был до конца уверен.

Хэ Лян посмотрел на него и кивнул.

— Тогда нам нужно найти, где здесь дают еду. А потом — начинать готовиться.

Он повернулся и пошёл в сторону столовой, но Чэнь Юй не двинулся с места. Он смотрел в ту сторону, куда ушёл мастер Сюй, и думал о том, как много ему ещё предстоит узнать.

Чэнь Юй решил начать с простого. С архивов.

Старший ученик стоял у стержней на заднем дворе. Он был один — белые волосы, собранные в низкий хвост, маска из чёрной кожи до самого носа, из-под которой виднелись шрамы. Они пересекали его лицо, как трещины на старой керамике, и каждый из них говорил о том, что этот человек не раз смотрел в лицо смерти. За спиной у него висело лезвие, обёрнутое в чёрную ткань — длинное, чуть изогнутое, с рукоятью, обмотанной потёртой кожей, которая местами облупилась и треснула.

Чэнь Юй подошёл ближе. Камни под ногами хрустели — мелкие, острые, они впивались в подошвы его стоптанных башмаков. Он старался идти тихо, но старший ученик обернулся раньше, чем он успел остановиться. Его глаза были светло-серыми, почти прозрачными, как вода в горном ручье, и в них не было агрессии — только усталое спокойствие, какое бывает у людей, которые слишком много видели и слишком много потеряли.

— Ты новичок, — сказал он. Голос был низким, с хрипотцой, как у человека, который много кричал в боях или много пил крепкого вина. Или и то, и другое.

— Да, — ответил Чэнь Юй. Он чувствовал, как под его единственным глазом пульсирует пустая глазница, прикрытая грязной тряпкой. Тряпка уже пропиталась кровью и потом, и он знал, что пахнет от неё не очень приятно. Но старший ученик не поморщился, не отступил на шаг. — Мне нужен архив. Я хочу изучить основы.

— Архив в главном здании, второй этаж. Сектор для новичков. Попросишь охрану, скажешь, что от меня. Меня зовут Чжан Лэй.

Он сказал это спокойно, даже равнодушно, как будто говорил о погоде. Чэнь Юй заметил, что Чжан Лэй не смотрит на его пустую глазницу. Все остальные пялились на неё, как на диковинку — ученики, слуги, даже торговцы на рынке. А этот просто говорил с ним, как с человеком. Это было странно и неожиданно приятно.

Чэнь Юй хотел уже уйти, но остановился. Любопытство пересилило.

— Почему вы... — начал он и запнулся, не зная, как сформулировать. Он не хотел звучать как обиженный ребёнок, но вопрос сам собой вырвался наружу.

Чжан Лэй усмехнулся — не насмешливо, а скорее с пониманием. Его серые глаза чуть прищурились, и Чэнь Юй заметил, что на его правой брови есть старый шрам, который рассекает её пополам.

— Почему мы, старшие, такие благоразумные? — закончил он за него. — Ты это хотел сказать?

Чэнь Юй кивнул. Чжан Лэй повернулся к стержню и положил руку на его холодную поверхность. Стержень был металлическим, покрытым слоем ржавчины и следами ударов — глубокими вмятинами и царапинами, которые оставили сотни тренировочных сессий.

— Младшие ученики всегда агрессивные. Ты, наверное, уже заметил. Они пытаются убить друг друга ради шанса на силу. Они думают, что если они будут жестокими, то станут сильнее. Но это заблуждение. Настоящая сила не в том, чтобы убивать. Она в том, чтобы защищать. Товарищество. Помощь. Когда ты проходишь через бои, через смерть, через потери, ты понимаешь, что в одиночку ты ничего не стоишь. Ты становишься сильнее только тогда, когда рядом с тобой есть те, кому ты доверяешь.

— А если у тебя нет никого, кому ты мог бы доверять? — спросил Чэнь Юй. Его голос прозвучал тише, чем он хотел.

Чжан Лэй повернулся к нему и внимательно посмотрел. В его глазах мелькнуло что-то похожее на любопытство, смешанное с грустью.

— Тогда ты ищешь их. Это сложнее, чем кажется. Но если ты найдёшь — ты никогда не будешь один.

Чэнь Юй хотел спросить, как долго он уже здесь, но Чжан Лэй уже отвернулся к стержню, давая понять, что разговор окончен. Чэнь Юй кивнул и пошёл в главное здание.

Архив оказался большим и тёмным помещением. Стеллажи уходили вверх до самого потолка, и между ними витал запах старой бумаги, пыли и чего-то ещё — возможно, масел, которыми пропитывали древние свитки. Пол был деревянным, скрипучим, и каждый шаг Чэнь Юя отдавался эхом в тишине. Секторы были разделены металлическими решётками, у каждой стоял охранник — молчаливый, с мечом на поясе, в такой же тёмно-красной форме, как у всех учеников.

Чэнь Юй подошёл к ближайшему охраннику и показал ученическую метку — деревянную табличку с выжженным лотосом, которую ему выдали при входе в школу. Охранник мельком взглянул на неё и махнул рукой в сторону дальнего угла.

— Там основы. Бери что нужно и уходи. Пять минут.

Голос охранника был сухим и безразличным, как у человека, который повторяет одну и ту же фразу сотни раз в день. Чэнь Юй прошёл в угол и начал смотреть книги. Они стояли плотными рядами, начиная от самых потрёпанных, с облупившимися корешками, до почти новых, с золотым тиснением на обложках. Он взял одну из книг — «Основы ци» — и начал перелистывать. Там было всё, что он уже знал: как дышать, как направлять поток, как чувствовать энергию в теле. Слишком просто, слишком очевидно.

Он взял вторую книгу — «Базовая стойка» — и увидел рисунки с изображением человеческих фигур в разных позах. Он попытался повторить одну из них, стоя между стеллажами, и чуть не упал, споткнувшись о собственную ногу. В тишине архива это прозвучало как гром среди ясного неба. Охранник кашлянул где-то вдалеке, но ничего не сказал.

Чэнь Юй выпрямился и уже хотел взять третью книгу, когда с верхней полки с грохотом упала книга. Она шлёпнулась прямо ему на голову, и Чэнь Юй не удержался — выругался. Это был негромкий звук, но в тишине архива он прозвучал как выстрел.

— Ты там живой? — раздался голос охранника. Он звучал с лёгкой тревогой, как у человека, который не хочет разбираться с трупом новичка в первый же день.

— Живой, — отозвался Чэнь Юй, потирая голову. На лбу уже вздувалась шишка, и он чувствовал, как она пульсирует в такт сердцебиению.

Он поднял книгу с пола. На обложке было написано: «Секреты ступени культивации. Часть первая». Кожа на обложке была потрёпана, почти стёрта, страницы пожелтели от времени, и от неё пахло чем-то старым и забытым — как от бабушкиного сундука, который долго стоял на чердаке. Чэнь Юй открыл книгу и увидел карту — круги, вписанные друг в друга, с подписями.

Он начал читать, и через несколько секунд понял, что это именно то, что ему нужно.

«Царство Тлеющей Искры: Нулевой этап — Закалка Тела. Первая ступень, с которой начинается путь любого воина. На этом этапе тело очищается от слабости, плоть становится твёрдой, как камень. Без закалки тела ты не сможешь пройти дальше, потому что твоё тело просто не выдержит следующих этапов. Способы закалки различны: от ударов по всему телу до медитации под водопадом. Самым эффективным считается метод «Стальной Дождь» — стоять голым под струями воды, падающей с высоты в сто шагов, в течение трёх дней и трёх ночей. Вода разбивает плоть, но если ты выдержишь — твоё тело станет неуязвимым для обычных ударов».

Чэнь Юй присвистнул. Три дня и три ночи. Под водопадом. Голым. Он посмотрел на свои руки — худые, с выступающими венами, с грязными ногтями. Он не был уверен, что его тело выдержит даже пять минут под таким потоком. Но другого выхода не было.

Он перевернул страницу и увидел следующий этап.

«Царство Зеркальной Луны: Первый этап — Этап Крови. Второй — Этап Костей. Третий — Этап Воли».

Он прочитал дальше: «Царство Падающей Звезды», «Царство Разбитого Кувшина». Всего в книге было описано около четырнадцати царств, но дальше шли только названия, и мелким шрифтом внизу страницы было приписано: «Остальное — в продвинутой книге. Спроси у хранителя архива».

Чэнь Юй закрыл книгу и положил её на место. Он уже знал, что ему нужно делать. Но была одна проблема — чтобы пройти нулевой этап, ему нужно было выбраться из школы. И если он спросит разрешения, его заподозрят. «А куда это ты собрался, гомункул? А зачем тебе водопад? А откуда ты знаешь про метод закалки?» — он уже слышал эти вопросы в своей голове.

Он стоял в тишине архива и думал. Время текло, охранник уже начал кашлять, намекая, что пять минут прошли. Чэнь Юй смотрел на стеллажи, на книги, на свои руки. У него не было плана. Только голос внутри, который шептал: у тебя же есть навык.

Он снова посмотрел на книгу «Тайные ступени культивации». И тут его осенило. Он провёл рукой по воздуху, пытаясь вызвать осколок стекла. Сначала ничего не произошло. Он попробовал снова — тот же результат. И тогда он понял, что его стекло не работает на сухих страницах, на мёртвой бумаге. Ему нужен был живой источник силы, чтобы наполнить его.

Чэнь Юй сосредоточился и представил, что книга — это не просто бумага, а поток знаний, которые можно преобразовать. Потом он закрыл глаза и снова провёл рукой по воздуху. На этот раз под его пальцами проступила слабая рябь — едва заметная, как дрожь на поверхности воды. Он почувствовал, как его собственная ци начинает заполнять эту рябь, как вода заполняет трещину в камне. Он сжал пальцы, и через мгновение перед ним возник осколок стекла — холодный, острый, почти живой.

Он прикоснулся к книге, и её страницы начали таять, как лёд на солнце. Они втягивались в стекло, как вода в губку, и через несколько секунд книга исчезла. В его руке остался только осколок, внутри которого мерцали иероглифы. Чэнь Юй поднёс его к свету — внутри стекла плавали слова и символы, как рыбы в аквариуме.

— Ни хрена себе, — прошептал он.

Он убрал осколок за пазуху и снова сосредоточился. Он представил, как стекло обволакивает его, как оно становится его новой кожей. На мгновение ему показалось, что он чувствует

холод, идущий от осколка, а потом его тело стало размытым, почти призрачным. Он посмотрел на свои руки — они были прозрачными, как вода, и сквозь них просвечивали стеллажи.

Чэнь Юй сделал шаг. Его ноги прошли сквозь полку, и он чуть не упал, потому что не чувствовал опоры под ногами. Он был одновременно здесь и не здесь, как отражение в мутной воде. Он прошёл мимо охранника, но тот даже не поднял головы. Он просто стоял у входа, зевая и потирая глаза.

Чэнь Юй вышел из архива, прошёл через коридор, спустился по лестнице. Он видел, как ученики проходят сквозь него, и на мгновение ему показалось, что он умер и стал призраком. Но он чувствовал своё тело, чувствовал, как бьётся сердце, чувствовал холодный пот на спине. Он был жив. Он просто стал неосязаемым.

Когда он оказался за воротами школы, он выдохнул и позволил стеклу исчезнуть. Оно растаяло, как утренний туман, оставляя только ощущение странной лёгкости в груди. Чэнь Юй стоял на улице города Ветвистый Ручей. Солнце уже поднялось высоко, и по улицам сновали люди — торговцы, носильщики, дети, которые бегали за курами.

Он зашёл в пекарню и купил хлеба — на те жалкие монеты, которые у него ещё остались. Торговка смотрела на него, как на прокажённого, но взяла деньги и дала кусок хлеба.

— Тебе бы к лекарю, парень, — сказала она. — Глаз-то залечить надо. А то так и помрёшь от заражения.

— Я зайду, — ответил Чэнь Юй.

Он вышел из пекарни и направился к выходу из города. В его голове уже созрел план — ему нужен был водопад. Он подошёл к старому торговцу, который сидел на пороге своей лавки и чистил лук. Торговец был сутулым, с длинной седой бородой и глазами, которые смотрели на мир с лёгким прищуром.

— Извините, — сказал Чэнь Юй. — Вы не знаете, где здесь есть водопады? Высокие, чтобы вода падала с большой высоты?

Торговец поднял голову и посмотрел на него с удивлением. Его брови поползли вверх, и он перестал чистить лук.

— Водопады? — переспросил он. — А ты зачем их ищешь? Здесь, к северу от города, есть гора Тишины. Там, говорят, есть водопад, который падает с высоты ста метров. Но до него идти полдня, и там водятся дикие звери. Зачем тебе туда?

Чэнь Юй улыбнулся.

— Мне нужно помыться.

Торговец хмыкнул. Он посмотрел на грязную одежду Чэнь Юя, на его окровавленную повязку и покачал головой.

— Сынок, ты бы лучше в бане помылся. Дешевле и безопаснее.

— В бане слишком мелко, — ответил Чэнь Юй.

Торговец нахмурился, но не стал расспрашивать. Он указал рукой на север и сказал:

— Иди прямо, не сворачивай. Через час будет развилка, повернёшь налево. Ещё через два часа увидишь гору. Водопад — с южной стороны. Только будь осторожен, парень. Там часто бывают медведи-мутанты. И ещё духи-лисы, говорят, иногда приходят к воде. Если увидишь красивую женщину у водопада — не подходи. Это не женщина, это лиса.

Чэнь Юй поблагодарил его и пошёл в сторону севера. Он чувствовал, как хлеб согревает его живот, как усталость наваливается на плечи. Но он знал, что у него есть пять дней, и каждый час был на счету.

Когда он вышел из города, дорога стала пыльной и пустынной. По обе стороны тянулись поля, засеянные чем-то зелёным, и время от времени мимо проезжали телеги, гружёные сеном. Чэнь Юй шёл, не останавливаясь, и думал о том, что его ждёт впереди. Три дня и три ночи под водопадом, голым, чтобы закалить тело.

— Капец, — сказал он себе под нос. — Ну и приключение.

Через час он увидел развилку и повернул налево, как сказал торговец. Дорога стала уже, и лес подступил ближе. Запах пыли сменился запахом сырой земли и хвои. Где-то вдалеке заухала сова, хотя было ещё светло.

Через два часа он увидел гору. Она поднималась из леса, как огромный каменный кулак, и её вершина терялась в облаках. Чэнь Юй пошёл по тропе, которая вела вверх, чувствуя, как каждый шаг отзывается в болевших суставах. Он слышал шум воды — сначала слабый, потом всё громче, и наконец он вышел на поляну перед водопадом.

Водопад был огромным. Вода падала с высоты ста метров, разбиваясь о камни внизу с грохотом, который заглушал все остальные звуки. Вокруг поднимался пар, и в нём играли лучи солнца, создавая радугу, которая переливалась всеми цветами. Чэнь Юй стоял и смотрел на это зрелище, чувствуя, как внутри него рождается страх и одновременно предвкушение.

— Ну что ж, — сказал он сам себе. — Добро пожаловать в семью, идиот.

Он снял куртку, потом рубашку. Ветер коснулся его тела, и он почувствовал, как по коже побежали мурашки. Он снял штаны и остался в одних трусах — единственном куске ткани, который у него остался. Он подошёл к воде, и холод обжёг его ноги. Чэнь Юй сделал глубокий вдох и шагнул под водопад.

Струи обрушились на его плечи с силой, которая пригнула его к земле. Он упал на колени, чувствуя, как вода бьёт по спине, по голове, по рукам. Она была холодной, как лёд, и через несколько секунд его начало трясти. Он попытался встать, но поток снова пригнул его.

Чэнь Юй сжал зубы и поднялся. Он стоял под водопадом, чувствуя, как его тело привыкает к холоду, как вода разбивается о его плоть, оставляя красные следы. Он знал, что это только начало. Впереди было три дня и три ночи.

— Ну давай, — прошептал он. — Покажи мне, на что ты способна.

Чэнь Юй стоял на берегу, глядя на водопад, и чувствовал, как его тело уже начинает дрожать от одного только вида воды. Она падала с высоты ста метров, разбиваясь о камни внизу с грохотом, который заглушал все остальные звуки. Пар поднимался над поверхностью, и в нём играли лучи солнца, создавая радугу, которая переливалась всеми цветами — от бледно-жёлтого до насыщенного фиолетового. Это было красиво. Это было страшно. Он стоял на мокрых камнях, и его ступни уже начали неметь от холода, хотя он ещё даже не вошёл в воду.

Он снял последний кусок ткани — старые, рваные штаны, которые держались на честном слове и нескольких узлах — и остался голым. Ветер коснулся его кожи, и он почувствовал, как по спине пробежали мурашки. Они побежали от шеи вниз, до самого копчика, и он вздрогнул. Его тело было покрыто синяками и ссадинами, полученными ещё в лесу, и теперь на них добавились новые. Он посмотрел на свои руки — худые, с выступающими венами, с грязными ногтями, под которыми засохла кровь. Он не был уверен, что его тело выдержит даже пять минут под таким потоком. Но другого выхода не было.

Он подошёл к воде и опустил ногу в поток. Холод был таким, что у него перехватило дыхание. Он почувствовал, как вода обжигает его кожу, как мышцы мгновенно сжимаются от холода. Он сделал глубокий вдох, пытаясь успокоиться, и шагнул вперёд.

Струи обрушились на его плечи с силой, которая пригнула его к земле. Он упал на колени, чувствуя, как вода бьёт по спине, по голове, по рукам. Она была холодной, как лёд, и через несколько секунд его начало трясти. Он попытался встать, но поток снова пригнул его к земле. Камни под коленями были острыми, и он чувствовал, как они впиваются в кожу, оставляя глубокие царапины.

— Вставай, — сказал он себе. — Вставай, тварь.

Он поднялся, сжимая зубы так сильно, что они скрипнули. Вода била по его телу с такой силой, что каждый удар отдавался болью во всём теле. Он поставил ноги шире, пытаясь удерживать равновесие, но вода сбивала его с ног, как щепку. Он чувствовал, как его мышцы напрягаются до предела, как они дрожат от напряжения. Он упал снова, на этот раз на бок, и его уда-

рило о камни. Он почувствовал, как вода заливается в рот и нос, как лёгкие начинают гореть, и он начал задыхаться.

— Нет, — прохрипел он, выныривая. — Нет, я не сдамся.

Он снова встал и снова пошёл под водопад. На этот раз он не пытался стоять прямо. Он согнул колени, опустил центр тяжести ниже, как делают борцы, когда пытаются устоять против противника. Это помогло. Он удержался на ногах целых десять секунд, прежде чем вода снова сбила его с ног. Он упал на спину, ударившись головой о камень, и на мгновение потерял сознание.

Он очнулся в воде. Его тело плыло по течению, и он с трудом выбрался на берег. Голова гудела, перед глазами плыли пятна. Он почувствовал, как по лицу течёт кровь — он рассек бровь. Он провёл рукой по лицу и посмотрел на пальцы. Кровь была тёплой и липкой.

— Отлично, — сказал он. — Просто отлично.

Он снова встал и пошёл к водопаду. Он не считал, сколько раз его смывало. Он просто вставал и шёл обратно. Каждый раз он пытался стоять дольше, чем в прошлый раз. Сначала это были десять секунд, потом двадцать, потом тридцать. К вечеру первого дня он мог стоять под водопадом почти минуту. Его тело было покрыто синяками, спина была красной от ударов воды, пальцы на ногах посинели от холода. Но он держался.

На второй день его смыло ещё несколько раз. К этому моменту он уже перестал считать. Он просто вставал и шёл обратно. Его тело привыкало к холоду, к ударам, к постоянному напряжению. Он заметил, что вода больше не кажется ему ледяной. Она была холодной, но его тело перестало дрожать. Мышцы начали работать по-другому — более плавно, более эффективно. Он чувствовал, как его тело адаптируется.

И в этот момент произошло то, чего он не ожидал. Сверху, с высоты ста метров, оторвалось бревно. Оно было старым, полусгнившим, тяжёлым от воды. Оно летело вниз с грохотом, и Чэнь Юй услышал этот звук за секунду до того, как оно ударило его в плечо.

Удар был такой силы, что его отбросило в сторону. Он пролетел несколько метров и упал в воду, чувствуя, как плечо горит огнём. Он вынырнул, хватая ртом воздух, и увидел, как бревно несётся по течению вниз. Если бы оно ударило его в голову — он был бы мёртв.

— Ты серьёзно? — закричал он в пустоту. — Ты серьёзно сейчас?! Я тут пытаюсь стать сильнее, а ты швыряешь в меня брёвна?!

Небо не ответило. Только вода продолжала падать, и ветер шумел в кронах деревьев. Чэнь Юй выругался, сплюнул кровь и снова пошёл к водопаду. Плечо болело так, что он не мог пошевелить рукой, но он знал, что если остановится — всё будет напрасно.

Он снова зашёл под струи. Боль была острой, почти невыносимой, но он стиснул зубы и стоял. Через несколько минут боль начала утихать. Не исчезать, а именно утихать, как будто его тело привыкало к ней. Он чувствовал, как его мышцы расслабляются, как кровь начинает циркулировать быстрее, согревая повреждённое плечо. Гончая внутри него начала просыпаться. Не так, как ночью — не яростно, не дико, — а по-другому. Она адаптировалась.

Он заметил это, когда в очередной раз упал и ударился спиной о камни. Боль была острой, но она сразу же утихла, как будто её отключили. Он поднялся и потрогал спину — она была мокрой и холодной, но боли почти не было. Он постоял под водопадом ещё несколько минут, и в его голове начала формироваться мысль: Гончая запоминает боль. Она адаптируется к ней. Он уже знал это, когда читал описание эволюции. Но он не думал, что это произойдёт так быстро.

— Хорошо, — сказал он, глядя на свои руки, которые перестали дрожать. — Хорошо. Это работает.

К вечеру второго дня боль от ударов воды почти исчезла. Он всё ещё чувствовал, как вода бьёт по спине, но это было уже не больно. Это было просто прикосновение. Он стоял под водопадом, и его тело не дрожало. Он чувствовал, как его мышцы напрягаются, как кровь

циркулирует по телу, согревая его изнутри. Он не знал, сколько времени прошло, но он знал, что это только начало.

Ночью ему было легче. Гончая просыпалась, и тело становилось более стойким. Он чувствовал, как его звериная натура помогает ему держаться, как она даёт ему силы, которых не хватало днём. Он стоял под водопадом, и вода казалась ему почти тёплой, почти приятной. Он закрыл глаза и представил, что он не человек, а зверь, который стоит под дождём и ждёт, когда гроза закончится. Это помогало ему не думать о голоде и усталости.

Голод пришёл на второй день. Сначала это было просто лёгкое ощущение пустоты в желудке, но к концу дня оно превратилось в острую боль. Чэнь Юй чувствовал, как его желудок сводит спазмами, как в голове начинает шуметь. Он вспомнил, как в прошлой жизни мог не есть по два дня, когда работал над важным контрактом. Это было похоже на то же самое. Он просто закрыл глаза и сосредоточился на дыхании.

— Думай о чём-нибудь другом, — сказал он себе. — Думай о чём-то вкусном. О жареном мясе. О хлебе. О супе.

Это не помогало. Голод был слишком сильным. Он чувствовал, как его тело начинает слабеть, как мышцы теряют силу. Но он держался.

На третий день его смыло всего один раз. Он уже научился стоять, чувствовать поток, подстраиваться под него. Его тело адаптировалось не только к боли, но и к силе воды. Он стоял под водопадом, как скала, и вода била о него, но не могла сдвинуть. Он чувствовал, как его мышцы становятся твёрже, как кожа грубеет от постоянного воздействия воды. Он смотрел на свои руки и видел, что синяки на них уже начинают заживать. Гончая делала своё дело.

К концу третьего дня он был измотан до предела. Его тело дрожало от усталости, но он держался. Он знал, что осталось всего несколько часов. Он просто стоял, закрыв глаза, и ждал. Вода била по его спине, и он чувствовал это как лёгкое касание, как прикосновение ветра. Он уже почти засыпал, когда на его голову упала рыба.

Она была большой — килограмма два — и ударила его прямо в макушку, как мешок с песком. Чэнь Юй пошатнулся, открыл глаза и увидел, как карп бьётся о камни у его ног. Рыба была серебристой, с тёмной полосой вдоль спины, и она билась хвостом о камни, пытаясь вернуться в воду.

— Ты серьёзно? — сказал он, глядя на рыбу. — Ты серьёзно сейчас? В последний момент?

Рыба не ответила. Она просто билась хвостом о камни, и Чэнь Юй понял, что она пытается выжить так же, как и он. Он вытащил её из воды и вышел на берег. Он чувствовал, что время вышло. Он не знал, сколько прошло, но он знал, что этот момент был знаком.

Он развёл костёр из сухих веток, которые нашёл у подножия горы. Пальцы его дрожали от холода и усталости, и он несколько раз уронил кремёнок, пока наконец не зажжёг огонь. Он нашёл острый камень, выпотрошил рыбу и насадил её на палку. Руки его тряслись, и он несколько раз чуть не уронил рыбу в грязь.

— Ну и воняет, — сказал он, пригнувшись. — Но ты — мой герой, карп. Не знаю, откуда ты взялся, но ты спас мне жизнь.

Он зажарил рыбу на костре. Жир капал на угли, и запах жареной плоти ударил ему в нос. Он никогда в жизни не был так голоден. Он съел её почти целиком, обжигаясь, не чувствуя вкуса, просто глотая кусок за куском. Он чувствовал, как его тело наполняется силой, как усталость начинает отступать.

— Хорошая рыба, — сказал он, облизывая пальцы. — Лучшая в моей жизни.

Он затушил костёр, оделся в свою грязную, мокрую одежду и пошёл обратно в город. Пятый день начинался. Он чувствовал, как его тело изменилось. Оно было твёрже, сильнее, чем три дня назад. Он больше не боялся воды. Он больше не боялся боли. Он был готов.

Когда он вошёл в город, солнце уже поднялось высоко. Он шёл по улицам, чувствуя, как прохожие смотрят на него. Его одежда была грязной, лицо было в синяках, но он шёл прямо, не сгибаясь. Он знал, что это только начало. Нулевой этап был пройден. Он чувствовал, как его тело наполняется новой силой, как кровь быстрее бежит по жилам. Он знал, что теперь он может выдержать любые тренировки. Он был готов к следующему этапу — к Этапу Крови.

Чэнь Юй остановился у ворот школы ровно в тот момент, когда солнце коснулось горизонта. Пятый день. Последний. Чэнь Юй стоял, глядя на знакомые стены, увитые алыми лотосами, и чувствовал, как внутри него пульсирует странная уверенность. Он прошёл три дня и три ночи под водопадом. Он выдержал холод, боль, голод, брёвна, которые падали на него с неба, и карпа, который прилетел ему на голову в самый последний момент. Его тело больше не было тем хрупким, непривычным механизмом, в котором он проснулся на свалке. Оно стало другим. Твёрдым. Прочным. Готовым.

Он подошёл к стене, огляделся по сторонам и выбросил руку вперёд. Воздух перед ним хрустнул, и из его ладони вырос осколок стекла — холодный, прозрачный, с едва заметной рябью внутри, похожей на дым. Он сжал его, и стекло начало обволакивать его тело, как вторая кожа. Чэнь Юй почувствовал, как его тело становится размытым, почти призрачным, как его шаги перестают издавать звук. Он прошёл сквозь стену, как тень, и оказался внутри школьного двора.

Никто его не заметил. Ученики тренировались у стержней, мастера стояли на крыльце главного здания, обсуждая что-то важное. Никто не обернулся, никто не поднял головы. Он был невидим.

Чэнь Юй прошёл через двор, обходя учеников, и остановился у одного из зданий — старого, деревянного, с облупившейся краской. Он подошёл к двери, вошёл внутрь и сразу же, как только оказался в коридоре, сбросил иллюзию. Стекло исчезло, оставляя его снова видимым. Он оглядел себя — грязная, мокрая одежда, синяки на лице, пустая глазница, прикрытая тряпкой. Он выглядел как бродяга, который забрёл не туда. Но он не собирался выглядеть как жертва.

Чэнь Юй вышел из здания, делая вид, что только что вышел оттуда. Он прошёл через двор, держа спину прямой, как струна, и направился к центру, где стояла железная дева. Он видел её в первый день, когда только пришёл в школу. Это был саркофаг из тёмного металла, с крышкой, усеянной шипами, и сбоку на ней был выгравирован лотос — символ школы. Вокруг неё уже собрались люди.

Он не знал, сколько их было. Десятки. Сотни. Ученики стояли полукругом, мастера сидели на скамьях у стены, а в центре, прямо у железной девы, стоял мастер Сюй в своей тёмно-красной мантии. Чэнь Юй заметил в толпе Хэ Ляна, который жевал сухарь и смотрел на него с удивлением. Рядом с ним стояла девица в чёрном, которая скрестила руки на груди. Он увидел Минь Жуна, который стоял чуть поодаль, и его лицо было напряжённым.

— Ты опоздал, — сказал мастер Сюй, когда Чэнь Юй подошёл. — Последний день. Я уже думал, что ты сбежал.

— Я не сбегаю, — ответил Чэнь Юй. — Я готов.

Мастер Сюй посмотрел на него внимательно. Его глаза скользнули по его телу, по синякам, по мокрой одежде. Он не сказал ни слова, но Чэнь Юй почувствовал, что мастер заметил изменения — его осанку, его взгляд, его уверенность.

— Ты выглядишь иначе, — сказал мастер Сюй. — Что ты делал эти четыре дня?

— Подготовку, — ответил Чэнь Юй.

Мастер Сюй улыбнулся — едва заметно, одними уголками губ.

— Посмотрим, что у тебя вышло.

Он сделал шаг в сторону, открывая проход к железной деве. Чэнь Юй посмотрел на саркофаг. Он был выше его на две головы, и внутри него, сквозь щели, виднелись десятки острых

лезвий, расположенных под разными углами. Они блестели в свете заходящего солнца, и от них исходил холод, который чувствовался даже на расстоянии.

Чэнь Юй подошёл к нему, и все замолчали. Он чувствовал на себе сотни взглядов — любопытных, насмешливых, удивлённых. Он слышал шёпот за спиной:

— Это тот гомункул, который убил медведя...

— Посмотрим, как он выдержит...

— Говорят, он потерял глаз на испытании...

Чэнь Юй не обернулся. Он просто взялся за крышку саркофага, и она со скрипом открылась, выпуская наружу холодный, металлический запах. Он зашёл внутрь, чувствуя, как лезвия касаются его кожи — острые, холодные, готовые вонзиться при любом движении. Он закрыл за собой крышку, и она захлопнулась с глухим стуком.

Наступила темнота. Чэнь Юй слышал, как за стенкой железной девы начинается отсчёт. Голос был низким, ровным, как у старшего ученика, который стоял снаружи и держал песочные часы.

— Одна минута. Начинаем.

Чэнь Юй замер. Он чувствовал, как лезвия касаются его кожи — на плечах, на спине, на руках. Они были острыми, как бритва, и при малейшем движении могли впиться в плоть. Он слышал своё дыхание, которое отдавалось эхом в тесном пространстве. Он закрыл глаза и сосредоточился на своём теле, на том, как оно реагирует на прикосновение металла.

Прошло десять секунд. Он почувствовал, как одно из лезвий слегка впилося в плечо — острая, резкая боль, которая тут же утихла. Его тело адаптировалось. Гончая запомнила эту боль. Он почувствовал второе лезвие, которое коснулось его спины, и снова боль утихла через мгновение.

— Двадцать секунд, — сказали снаружи.

Чэнь Юй стоял неподвижно. Он чувствовал, как его тело привыкает к лезвиям, как они перестают казаться ему острыми. Он знал, что урон остаётся — порезы были настоящими, и он чувствовал, как по его коже стекает кровь. Но боли не было. Он стоял, как каменное изваяние, и ждал.

— Тридцать секунд.

Он почувствовал, как лезвие вонзилось в бок — глубже, чем остальные, но боль исчезла так же быстро, как появилась. Он почувствовал, как его мышцы расслабляются, как его тело перестаёт напрягаться. Он стоял в этой железной деве, и она перестала быть ему страшна.

— Сорок секунд.

Он слышал, как снаружи кто-то перешёптывается. Он слышал, как кто-то из новичков говорит: «Как он это делает?». Но он не открывал глаз. Он просто стоял и ждал.

— Пятьдесят секунд.

Чэнь Юй почувствовал, как лезвие коснулось его лица — щеки, прямо под глазом. Оно оставило тонкий, ровный порез, и кровь потекла по его щеке, но он не почувствовал боли. Гончая адаптировалась.

— Шестьдесят секунд. Время вышло.

Чэнь Юй открыл глаза и толкнул крышку. Она распахнулась с металлическим скрежетом, и он вышел наружу, на свет. Он стоял перед толпой, и его лицо было в крови. На щеке был свежий порез, на плече — ещё один, на боку — третий. Но он стоял прямо, не сгибаясь, и его единственный глаз смотрел спокойно.

— Семь секунд, — сказал он, и голос его звучал ровно. — Я простоял минуту и семь секунд.

Наступила тишина. А потом кто-то начал хлопать. Чэнь Юй увидел, как мастер Сюй медленно поднимает руки и начинает аплодировать. За ним поднялись другие мастера, потом

старшие ученики. Хэ Лян захлопал так громко, что сухарь выпал у него из рук и укатился в траву. Девушка в чёрном медленно подняла руки и присоединилась к остальным.

Чэнь Юй стоял, глядя на них. Он чувствовал, как кровь стекает по его щеке, как его тело пульсирует от напряжения. Но он улыбнулся. Впервые за долгое время он улыбнулся искренне, широко. Он прошёл нулевой этап. Теперь он был частью школы «Красный Лотос».

— Добро пожаловать, — сказал мастер Сюй, когда аплодисменты стихли. — Ты прошёл. Теперь ты один из нас.

Ему выдали форму в тот же вечер. Чэнь Юй стоял в небольшой комнате у заднего крыла главного здания, где старший ученик — тот самый беловолосый Чжан Лэй — молча положил перед ним стопку тёмно-красной одежды. На форме был вышит золотой лотос на груди, и она пахла свежим льном и чем-то горьковатым, похожим на полынь.

— Переодевайся, — сказал Чжан Лэй. — И приходи во двор. Будут смотреть остальных.

Чэнь Юй взял форму в руки. Она была грубой, но чистой. Он снял свою грязную, рваную одежду, которая держалась на честном слове, и надел новую. Она сидела хорошо, как будто шилась на него. Он провёл рукой по ткани, чувствуя, как лён касается его кожи, ещё влажной после водопада. Он посмотрел на себя в маленькое зеркало, висящее на стене — тёмно-красная форма, пустая глазница, закрытая чёрной повязкой, которую ему тоже выдали вместе с одеждой. Он выглядел как ученик. Настоящий ученик.

— Идём, — сказал Чжан Лэй, и Чэнь Юй последовал за ним.

Когда они вышли во двор, солнце уже почти село, и небо окрасилось в тёмно-фиолетовый цвет. В центре двора всё ещё стояла железная дева, но теперь вокруг неё выстроились в ряд новички. Чэнь Юй насчитал их — двенадцать человек, включая его самого. Некоторые из них уже прошли испытание, некоторые ещё ждали. Хэ Лян стоял в центре, нервно переминаясь с ноги на ногу, и его лицо было бледным, как полотно.

— Следующий, — сказал мастер Сюй, и Хэ Лян шагнул вперёд.

Чэнь Юй смотрел, как его друг подходит к железной деве. Хэ Лян был бледным, его руки дрожали, и он несколько раз сглотнул, прежде чем открыть крышку саркофага. Он зашёл внутрь, и крышка закрылась за ним с глухим стуком.

— Одна минута, — сказал старший ученик. — Начинаем.

Чэнь Юй затаил дыхание. Он знал, что Хэ Лян не прошёл закалку под водопадом. Он не знал, как тот готовился, но он видел его лицо, когда они встретились во дворе — страх, смешанный с отчаянием. Чэнь Юй хотел что-то сказать, но не успел.

Прошло десять секунд. Из железной девы донёсся приглушённый крик.

— Двадцать секунд.

Крик повторился, но на этот раз он был тише, как будто Хэ Лян пытался сдержать его.

— Тридцать секунд.

Чэнь Юй услышал, как внутри саркофага что-то ударило о металл — тело, бившееся в агонии.

— Сорок секунд.

Из щелей начала сочиться кровь. Тонкие, тёмные струйки стекали по металлу, падая на камни.

— Пятьдесят секунд.

Крик стал хриплым, почти беззвучным. Чэнь Юй сжал кулаки, чувствуя, как его сердце колотится где-то в горле.

— Шестидесят секунд. Время вышло.

Крышка распахнулась, и Хэ Лян вывалился наружу. Он лежал на камнях, и его тело было покрыто глубокими порезами — на руках, на груди, на ногах. Кровь хлестала из ран, заливая форму, которую он даже не успел надеть. Он дышал тяжело, судорожно, и его глаза были широко раскрыты от боли.

Чэнь Юй шагнул вперёд, но мастер Сюй поднял руку, останавливая его.

— Он не прошёл, — сказал мастер Сюй. — Он провалил испытание.

Хэ Лян попытался встать, но его ноги подкосились, и он упал обратно на колени. Его лицо было мокрым от крови и слёз.

— Простите... — прошептал он. — Я не смог...

Мастер Сюй посмотрел на него без жалости.

— Ты знаешь правила. Провалившиеся получают наказание. Шестьдесят ударов плетью. Если выживешь — останешься в школе как ученик-неудачник. Если умрёшь — так тому и быть.

Чэнь Юй почувствовал, как его тело напряглось. Он хотел заступиться, но что-то внутри него остановило. Это был не страх — это было знание, что в этом мире правила не меняются ради одного человека.

— Я выдержу, — сказал Хэ Лян, поднимаясь на ноги. Его голос дрожал, но он стоял прямо, глядя мастеру в глаза. — Я выдержу.

Его отвели к столбу, стоящему у стены. Это был высокий деревянный столб, изъеденный временем и дождями, с металлическими кольцами, в которые закрепили его руки. Хэ Лян стоял лицом к столбу, и его спина была открыта. Вокруг собрались ученики, мастера, все те, кто смотрел, как он провалил испытание.

— Шестьдесят ударов, — сказал мастер Сюй. — Считайте.

Первый удар обрушился на спину Хэ Ляна. Плеть была сделана из нескольких полос кожи, переплетённых вместе, и когда она ударила, Чэнь Юй услышал звук, похожий на хлопок мокрой тряпки. Хэ Лян вскрикнул, но сдержался.

— Один, — сказал старший ученик.

Второй удар. Хэ Лян закусил губу, и Чэнь Юй увидел, как по его спине потекла кровь.

— Два.

Третий. Четвёртый. Пятый. Хэ Лян всё ещё стоял, но его тело уже дрожало. На его спине появлялись полосы — красные, вздувшиеся, которые быстро превращались в глубокие раны. Кровь лилась по его ногам, собираясь в лужицу под его ступнями.

Чэнь Юй стоял в толпе, и его руки дрожали. Он знал, что ничего не может сделать. Это был мир, в котором он оказался. Мир, где слабость наказывается болью. Он смотрел, как Хэ Лян терпит, и чувствовал, как его тело наполняется холодной яростью.

— Десять, — сказал старший ученик.

Хэ Лян уже не кричал. Он просто стоял, уткнувшись лбом в столб, и его тело содрогалось от каждого удара. Кровь заливала его глаза, но он не падал.

— Двадцать.

Чэнь Юй заметил, как мастера переглянулись. Они явно не ожидали, что этот толстый, неуклюжий парень продержится так долго.

— Тридцать.

Хэ Лян начал медленно сползать по столбу, но его руки были закреплены, и он повис на них, как тряпичная кукла. Его спина была похожа на мясо, которое резали ножом.

— Сорок.

Хэ Лян открыл глаза. Его взгляд был мутным, почти невидящим, но он смотрел прямо перед собой, как будто видел что-то, что не видели остальные. Чэнь Юй не знал, что он там видит, но он знал, что Хэ Лян не сдаётся.

— Пятьдесят.

Чэнь Юй сжал кулаки так сильно, что его ногти впились в ладони. Он чувствовал, как его собственная кровь течёт по его рукам, но он не замечал этого. Он смотрел на Хэ Ляна и думал о том, что это мог быть он.

— Шестьдесят, — сказал старший ученик. — Всё.

Хэ Лян повис на цепях, и его тело было неподвижным. Чэнь Юй рванулся вперёд, но Чжан Лэй схватил его за плечо.

— Не сейчас, — сказал он тихо. — Он ещё жив. Но если ты подойдёшь, мастера сочтут это проявлением слабости.

Чэнь Юй остановился. Он стоял, глядя на Хэ Ляна, который висел на столбе, и его тело было покрыто кровью. Он думал о том, что этот мир не щадит никого. Ни сильных, ни слабых. Никого.

Хэ Ляна сняли с столба и унесли в лазарет. Чэнь Юй пошёл следом, но его остановили.

— Ты не можешь быть с ним, — сказал старший ученик. — Это нарушает правила.

Чэнь Юй посмотрел ему в глаза.

— Правила? — переспросил он. — Он мой друг.

— Здесь нет друзей, — ответил старший ученик. — Здесь есть только ученики и мастера. Запомни это.

— Теперь я назначаю вам собственного мастера, — сказал мастер Сюй, и его голос разнёсся над двором, как удар колокола. Он стоял перед строем новичков, сложив руки за спиной, и его тёмно-красная мантия колыхалась на ветру. — Нулевой этап закончен. Вы прошли его. Теперь вы официально ученики школы «Красный Лотос». Но обучение только начинается. С этого момента у вас будет собственный наставник, который поведёт вас до четвёртого царства.

Он сделал паузу и обвёл взглядом строй. Чэнь Юй стоял во втором ряду, чувствуя, как его тело напряжено, как мышцы готовы к любым действиям. Закалка тела дала свои плоды — он больше не чувствовал усталости, и боль от порезов на лице, которые всё ещё заживали, стала привычной. Он заметил, что Хэ Лян стоит рядом, бледный и осунувшийся после наказания, но его глаза блестели — он выжил. Рядом с ним стояла девица в чёрном, её лицо было бесстрастным, как маска.

— У меня есть свои ученики, — продолжал мастер Сюй. — Элита элит. Я не могу заниматься каждым из вас. Поэтому я назначаю вам мастера, который будет вашим наставником.

Он повернулся к главному зданию и кивнул кому-то в тени. Из дверей вышел человек. Он был невысоким — чуть выше плеча Чэнь Юя — с короткими чёрными волосами, которые торчали во все стороны, как иглы у ежа. Его лицо было покрыто шрамами, а глаза были тёмными, почти чёрными, и в них читался холодный, расчётливый ум. На нём была форма с золотыми нашивками на рукавах — знак мастера. За спиной висел короткий широкий меч, рукоять которого была обмотана потёртой кожей.

— Я — Вэй Чжун, — сказал он. Его голос был резким и рубленным, как у человека, привыкшего командовать на поле боя. — С этого дня я ваш наставник. Буду учить вас всему, что знаю сам. Если будете слушаться — станете сильными. Если нет — вышвырну вон, даже если вы прошли нулевой этап. Мне плевать, сколько вы страдали или сколько крови пролили в железной деде. Здесь начинается настоящая работа.

Он прошёлся вдоль строя, заложив руки за спину, и Чэнь Юй заметил, как один из новичков, стоящий с краю, сглотнул и нервно дёрнул головой. Вэй Чжун резко остановился напротив него.

— Ты уже боишься? — спросил он, наклонив голову. — Я ещё ничего не сказал, а ты уже дрожишь. Если ты боишься сейчас, то умрёшь в первую неделю. Вон из строя.

Новичок побледнел, но не двинулся с места. Вэй Чжун прищурился.

— Я сказал — вон из строя. Два раза не повторяю.

Парень сделал шаг назад, споткнулся о камень и чуть не упал. Кто-то в задних рядах хихикнул, но тут же замолчал, когда Вэй Чжун метнул взгляд в ту сторону. Он снова прошёлся вдоль строя, и его глаза остановились на Хэ Ляне, который выглядел так, будто его только что переехала повозка.

— А ты, толстяк, — сказал Вэй Чжун, подходя ближе. — Ты тот самый, который не влез в железную деву и получил шестьдесят ударов плетью?

Хэ Лян кивнул, сглотнув. Губы его дрожали, и Чэнь Юй видел, как он сжал кулаки, пытаясь удержать себя в руках.

— Ты выжил, — сказал Вэй Чжун. — Это уже что-то. Но запомни: если на следующем этапе ты провалишься, я лично прослежу, чтобы ты не выжил. Понял?

— Да, мастер, — ответил Хэ Лян, и голос его был тихим, но твёрдым. Чэнь Юй почувствовал гордость за друга. Он знал, как тяжело Хэ Ляну дались эти слова.

Вэй Чжун вернулся в центр и поднял руку, требуя тишины.

— Теперь слушайте внимательно. Вы перешли на первое царство — царство Зеркальной Луны. Ваша задача — прорвать этап крови. Это первый шаг к тому, чтобы ваша ци начала работать правильно. Вы начнёте ощущать свою кровь как поток, который можно направлять. Скорость, сила, выносливость — всё это придёт, когда вы освоите этап крови. Тренировки каждый день с шести утра до полудня. Остальное время — ваше. Вы можете делать всё, что хотите. Можете спать, можете тренироваться самостоятельно, можете играть в кости — мне всё равно. Но если я увижу, что вы не прогрессируете, я заставлю вас тренироваться даже ночью.

Он сделал паузу, и на его лице появилась лёгкая усмешка.

— И ещё. С этого момента вы можете выходить за пределы школы — один час в день. Не больше. Если опоздаете — ваше разрешение будет аннулировано. Если выйдете без разрешения — будете наказаны. Если не вернётесь — будете считаться дезертирами.

Новички переглянулись. По рядам пробежал гул — кто-то обрадовался, кто-то начал возбуждённо перешёптываться, кто-то, наоборот, нахмурился, понимая, что свобода даётся с ограничениями. Чэнь Юй услышал, как сзади кто-то сказал: «Наконец-то можно будет выйти в город», и кто-то другой ответил: «Один час — это смешно, как мы за него успеем хоть что-то купить?». Но Чэнь Юй не обрадовался. Он не думал о городе. Его голова была занята другим.

Он вспомнил о книге, которую спрятал в осколке стекла. Она была там, внутри, и он знал, что её содержимое может изменить всё. Он не мог ждать. Каждый час был на счету. Вэй Чжун не дал им никакой информации о том, как прорвать этап крови, и Чэнь Юй понимал, что ждать инструкций бесполезно. Ему нужно было узнать самому.

Как только мастер закончил говорить и махнул рукой, давая понять, что все свободны, Чэнь Юй развернулся. Он сделал это так резко, что несколько стоящих рядом новичков обернулись на него. Хэ Лян, стоящий рядом, дёрнулся, чтобы спросить, куда он идёт, но Чэнь Юй уже сделал два шага.

— Чэнь Юй, — раздался голос девицы в чёрном. Она стояла чуть поодаль, и её глаза смотрели на него с любопытством. — Ты куда?

— В архив, — ответил он, не оборачиваясь.

— Сейчас? — удивилась она. — Только что закончилась церемония. Ты даже не подождал, пока мастера разойдутся.

— Не могу ждать, — сказал Чэнь Юй.

Он пошёл быстрым шагом, не оглядываясь. Сзади он слышал, как Хэ Лян что-то сказал девице, но не разобрал слов. Он прошёл через двор, обходя учеников, которые расходились по своим делам, и направился к архиву. Охранник у входа узнал его и кивнул, пропуская внутрь.

Чэнь Юй сидел на полу архива, прислонившись спиной к холодной стене, и сжимал в руке осколок стекла. Он чувствовал, как тот пульсирует, как его содержимое выливается в сознание, оставляя за собой образы и знания. Он открыл глаза и начал читать.

На первой странице были перечислены способы достижения этапа крови. Шесть способов. Шесть путей. И все они требовали боли, жертв и риска. Чэнь Юй пробежал глазами по строкам, и его единственный глаз сфокусировался на первом абзаце.

«Ритуал Огненного Очищения. Культиватор входит в круг, выложенный из углей феникса или драконьей чешуи, и принимает жар внутрь. Пламя проходит по сосудам, выжигая "грязную" кровь, доставшуюся от смертных предков. Вместе с потом наружу выходят шлаки и слабость. Длится три дня, за которые кровь полностью обновляется, становясь тягучей, как ртуть».

Чэнь Юй нахмурился. Угли феникса или драконья чешуя. Где он мог найти их в этом мире? В городе Ветвистый Ручей не было ни драконов, ни фениксов. Он даже не был уверен, что они существуют. Этот способ казался невозможным.

Он перевернул страницу и увидел второй способ.

«Испытание Звериной Чаши. Нужно найти могучего духовного зверя (например, тигра-призрака или змея-дракона), победить его и выпить его кровь, смешанную с собственной. После этого в течение семи лун культиватор мутирует: временно покрывается шерстью или чешуёй, теряет рассудок. Если он сумеет сохранить сознание, его кровь обретает звериную силу — регенерацию и ярость».

Это было ещё хуже. Найти тигра-призрака, победить его, выпить его кровь, а потом не сойти с ума в течение семи лун. Чэнь Юй покачал головой. Слишком опасно. Слишком долго.

Третий способ оказался ещё более странным.

«Обряд Родового Источника. Культиватор выкапывает сосуд с останками своих сильнейших предков (или находит их захоронение). Он проливает свою кровь на кости, активируя древнюю кровную память. Во сне или в трансе он переживает их жизни и смерти. Чтобы пройти этап, он должен принять все грехи и победы рода, интегрировав их опыт. Провал — сходит с ума от голосов предков».

Чэнь Юй усмехнулся. Какие у него были предки? Он был гомункулом, собранным из частей трёх разных тел. У него не было рода. Он не знал своих родителей, не знал, откуда он взялся. У него не было предков, которых он мог бы призвать. Он закрыл глаза и глубоко вздохнул. Следующий способ мог быть тем, что ему нужно. Он пролистал дальше.

«Кровавая Жертва Небесам. В безлунную ночь культиватор наносит себе семь ран в соответствии с расположением звёзд и позволяет крови стекать в вырытый ров, читая древние мантры. Если Небеса принимают жертву, кровь закипает, испаряется и возвращается обратно в тело уже очищенной, став "серебряной". В качестве альтернативы — он может принести в жертву кровь врага (убить сильного противника и использовать его кровь для подпитки)».

Это выглядело реалистичнее, чем угли феникса или звериная кровь. Чэнь Юй запомнил этот способ. Он мог попробовать его. Но он хотел прочитать остальные, прежде чем выбрать.

«Путь Ста Тысяч Ударов. Вместо мистики — чистая практика. Культиватор подвергает себя постоянным травмам (удары, порезы, разрывы), заставляя организм вырабатывать новую кровь снова и снова. Каждое восстановление укрепляет кровеносные сосуды. Этап считается пройденным, когда культиватор теряет 90% крови и восстанавливается за сутки без внешней помощи».

Чэнь Юй задумался. Этот способ казался самым простым — он уже привык к боли, привык к ударам и порезам. Но потерять 90% крови и восстановиться за сутки? Это было смертельно опасно. Если он ошибётся, он просто умрёт. Если он выживет, его кровь станет сильнее.

Он перевернул последнюю страницу и прочитал шестой способ.

«Контракт с Тенью. Культиватор вступает в сделку с собственной тенью (как с отдельной сущностью). Тень высасывает половину его крови и хранит её в своём мире. Теперь в теле течёт обновлённая, более лёгкая кровь, а старая остаётся залогом. Если тень будет уничтожена, культиватор потеряет всю кровь разом, но зато его новая кровь становится невесомой и быстрой».

Чэнь Юй закрыл книгу. Он перечитал все шесть способов и понял, что должен выбрать один. Он не мог потратить время на поиски драконьей чешуи или тигра-призрака. У него не

было предков, с которыми можно было бы заключить обряд. Оставались три способа: Кровавая Жертва Небесам, Путь Ста Тысяч Ударов и Контракт с Тенью.

— Я уже терпел боль, — сказал он себе. — Я уже терял кровь. Я уже стоял под водопадом три дня и три ночи. Я могу попробовать Путь Ста Тысяч Ударов.

Но он не был уверен. Он не знал, сколько времени у него есть. Он не знал, как скоро Вэй Чжун начнёт проверять их прогресс. Он знал только, что должен начать сейчас.

Он убрал осколок стекла за пазуху и поднялся на ноги. Архив был тихим и тёмным, и он слышал только своё дыхание. Чэнь Юй вышел из архива и направился к выходу из школы.

— Ты куда? — спросил охранник, когда Чэнь Юй проходил мимо.

— Мне нужно в город, — ответил он. — Я вернусь через час.

Он не ждал ответа. Он прошёл через ворота и оказался на улицах Ветвистого Ручья. Солнце клонилось к закату, и люди спешили по своим делам. Чэнь Юй пошёл по главной улице, разглядывая лавки и дома. Он искал что-то, что могло бы ему помочь. Он не знал, что именно, но он чувствовал, что должен найти это.

Он зашёл в небольшую кузницу на окраине города. Внутри было жарко, пахло металлом и углём. Кузнец стоял у горна, и его лицо было покрыто сажей.

— Что тебе нужно, парень? — спросил он, не оборачиваясь.

— Мне нужны лезвия, — сказал Чэнь Юй. — Много лезвий. И верёвки. И место, где я мог бы тренироваться в одиночестве.

Кузнец обернулся и посмотрел на него с удивлением.

— Ты что, хочешь себя покалечить?

— Хочу, — ответил Чэнь Юй. — Но я также хочу выжить.

Кузнец пожал плечами и указал на полку, где лежали старые, затупленные лезвия.

— Забирай, что нужно. Денег не надо. Они всё равно никому не нужны.

Чэнь Юй взял несколько лезвий, намотал их в кусок ткани и вышел из кузницы. Он пошёл к выходу из города, туда, где начинался лес. Он нашёл поляну, где не было никого, и начал готовиться к тому, что могло стать его смертью или его рождением заново.

Чэнь Юй стоял на поляне, окружённый деревьями, которые шумели на ветру, словно перешёптывались о том, что он задумал. Солнце уже почти село, и небо окрасилось в тёмно-фиолетовый цвет, предвещая ночь. Он разложил на земле лезвия, которые взял у кузнеца, и несколько старых верёвок, которые нашёл по дороге. Вокруг него не было ни души, только лес, поле и тишина. Он выбрал Путь Ста Тысяч Ударов. Это был самый простой способ из всех, что он прочитал. Он уже привык к боли, привык к ударам и порезам. Его тело прошло закалку под водопадом, оно выдержало железную деву, оно было готово к новым испытаниям. По крайней мере, он так думал.

Он разделся до пояса, взял в руки лезвие и посмотрел на него. Оно было старым, затупленным, но острым настолько, чтобы оставлять глубокие порезы. Чэнь Юй провёл им по левой руке, чувствуя, как металл входит в кожу, как кровь начинает сочиться из раны. Он сделал глубокий вдох и продолжил. Ещё один порез на правой руке. Ещё один на груди. Ещё один на спине. Он наносил раны одну за другой, чувствуя, как его тело наполняется болью. Он знал, что так нужно — заставлять организм вырабатывать новую кровь, укреплять сосуды. Он знал, что это единственный способ.

Он нанёс уже десять порезов, когда почувствовал, что что-то не так. Кровь текла, но она была жидкой, почти водянистой, и она не останавливалась. Он провёл рукой по ране и посмотрел на пальцы. Кровь была бледно-красной, почти розовой. Он нахмурился. Это было неправильно. Он знал, что его тело — гомункул, но он не думал, что это повлияет на его кровь. Он думал, что его перерождение затронуло всё тело, что он стал полноценным человеком. Но теперь он понял, что ошибался. Его тело было лишь наполовину биологическим, а остальное —

алхимические материалы, вставленные в него неизвестным создателем. И эта вторая половина не могла производить кровь. Она могла только использовать то, что уже было внутри.

Он провёл рукой по груди, ощущая, как его кожа становится прохладной и влажной. Он сжал кулак и почувствовал, как его мышцы дрожат. Он потерял слишком много крови. Он посмотрел на лезвие, которое держал в руке, и понял, что этот путь не для него. Его тело не было создано для того, чтобы вырабатывать новую кровь. Оно было создано для того, чтобы использовать то, что уже было внутри. И когда он терял свою кровь, он терял её навсегда. Чэнь Юй опустился на колени, чувствуя, как слабость наваливается на него. Он смотрел на свои руки, и они казались ему чужими, как будто принадлежали кому-то другому.

— Что происходит? — прошептал он, глядя на свои руки. Его голос дрожал, и он чувствовал, как страх начинает заполнять его сознание. Он не знал, что делать. Он не знал, куда идти. Он был один в этом лесу, и его кровь медленно стекала на землю.

И в этот момент он услышал голос. Он был тихим, как шёпот ветра, но он звучал прямо у него в голове. В нём была лёгкая усмешка, как у человека, который наблюдает за глупой ошибкой и ждёт, когда её обладатель наконец поймёт свою глупость.

— Ты ведь понимаешь, что твоя кровь не вырабатывается, — сказала Гончая. Её голос был спокойным, почти ленивым, как у кошки, которая смотрит на мышку и не торопится её ловить. — Ты — гомункул. Твоё тело на пятьдесят процентов состоит из алхимических материалов. Кровь, которая в тебе есть, — это остатки той, что была у прежних владельцев твоих частей. Ты не можешь её обновить, потому что твой организм не производит новую кровь. Каждый раз, когда ты теряешь её, ты теряешь её навсегда. Ты думал, что сможешь просто пройти этот путь, но ты не учёл, что ты не человек. Ты — искусственное создание. Твоя кровь — это не твоя кровь. Это кровь тех, кто был до тебя.

Чэнь Юй замер. Он смотрел на свои руки, на кровь, которая стекала по пальцам. Он чувствовал, как внутри него нарастает холодное отчаяние. Он думал, что нашёл способ пройти этап крови, но теперь он понял, что это невозможно. Его тело не было предназначено для этого пути. Он не мог использовать свою кровь, потому что она не была его. Он не мог заставить своё тело вырабатывать новую кровь, потому что оно было создано для другого. Он был ошибкой. Он был неудачей. Он был тем, кто не должен был существовать.

— Что мне делать? — спросил он, и его голос прозвучал глухо, почти безжизненно. Он смотрел на свои руки, и они казались ему чужими, как будто принадлежали кому-то другому. Он чувствовал, как его тело слабеет, как силы покидают его. Он не знал, сколько ещё сможет продержаться.

Гончая замолчала на мгновение. Чэнь Юй слышал, как ветер шевелит листья, как где-то вдалеке кричит ночная птица. Он ждал ответа, чувствуя, как его тело слабеет от потери крови. Он стоял на коленях, и его руки дрожали. Он не знал, сколько ещё он сможет продержаться.

— Убей врага, — сказала она, наконец. В её голосе не было сочувствия — только холодная, расчётливая уверенность. — Используй его кровь. В книге сказано, что ты можешь принести в жертву кровь врага. Это сработает. Твоя кровь не годится, но, если ты возьмёшь кровь того, кто действительно твой враг, она будет принята Небесами. Это единственный способ. Ты не можешь изменить то, что ты гомункул, но ты можешь использовать чужую силу. Ты можешь взять чужую кровь и сделать её своей.

Чэнь Юй нахмурился. Он знал, что это было написано в книге, но он не думал, что ему придётся прибегнуть к этому способу. Он не хотел убивать никого. Он хотел просто пройти этап крови и стать сильнее. Но теперь у него не было выбора. Он чувствовал, как его руки дрожат, как его сердце колотится в груди. Он знал, что это неправильно, но он также знал, что это единственный способ.

— Кто может считаться моим врагом? — спросил он. — Демоны? Монстры? — Он попытался найти логическое обоснование, чтобы избежать того, что ему предлагали. — Я могу найти демона в лесу. Или монстра. Это не будет человеком. Это не будет убийством.

— Нет, — оборвала его Гончая. В её голосе появилась резкость, как у человека, который устал от глупых вопросов. — Враг — это не просто существо. Враг — это тот, в кого ты веришь, как во врага. Если ты убьёшь случайного демона, он не станет твоим врагом. Он станет просто трупом. Ты должен сам верить, что его кровь — это вражеская кровь. Иначе ритуал не сработает. Ты должен чувствовать ненависть. Ты должен верить, что этот человек — твой враг. Небеса смотрят не на того, кого ты убил, а на то, что ты чувствуешь.

Чэнь Юй задумался. У него не было личных врагов в этом мире. Он только что пришёл сюда, он никого не знал. Но потом он вспомнил о других школах боевых искусств. Конкуренты «Красного Лотоса». Те, кто смотрел на них с презрением. Те, кто мог бы стать его врагами. Он вспомнил, как ученики других школ насмехались над ним, когда он проходил мимо. Он вспомнил их лица, их ухмылки, их презрительные взгляды. Это было не личное, но это могло стать враждой.

— Ученики других школ, — сказал он. — Они подходят?

— Если ты веришь, что они твои враги, — ответила Гончая. Её голос снова стал спокойным. — Выбери того, кто кажется тебе самым сильным. Убей его. Используй его кровь для ритуала. Это твой единственный шанс. Если ты не сделаешь этого, ты так и останешься на нулевом этапе. Ты не сможешь пройти дальше. Ты будешь ничем. Ты будешь пустым местом. Ты будешь тем, кто не смог.

Чэнь Юй молчал. Он знал, что это неправильно. Он знал, что убивать невиновных — это зло. Но он также знал, что, если он не пройдёт этот этап, он не сможет стать сильнее, и он будет обречён на провал. Он сжал кулаки и поднял голову. Его глаза горели решимостью, но внутри него всё сжималось от страха. Он чувствовал, как его сердце колотится в груди, как его дыхание становится прерывистым.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю это.

Он оделся, убрал лезвия и пошёл в город. В голове у него уже созрел план. Он узнал у старших учеников, что в соседнем городе есть школа «Белый Журавль». Они были главными конкурентами «Красного Лотоса». Их ученики часто участвовали в соревнованиях и битвах, и они всегда старались унижить учеников «Красного Лотоса». Он знал, что это будет трудно. Он знал, что это будет опасно. Но он знал, что это единственный способ.

Чэнь Юй направился к северным воротам Ветвистого Ручья и вышел за пределы города. Он шёл по дороге, которая вела в сторону горного хребта, где располагалась школа «Белый Журавль». Ему нужно было добраться туда до рассвета. Он шёл быстро, иногда переходя на бег, и его тело, закалённое водопадом, выдерживало нагрузку без особого труда. Но его мысли были заняты другим. Он думал о том, что собирается сделать. Он думал о том, что его жизнь никогда не будет прежней. Он думал о том, что после этого он не сможет смотреть на себя в зеркало.

Через два часа он увидел впереди огни школы. Это было большое здание, окружённое высокой стеной, и на его крыше развевался белый флаг с изображением журавля. Чэнь Юй остановился у кромки леса и начал наблюдать. Он видел, как ученики в белых формах проходят по двору, как они тренируются, как они разговаривают. Он видел, как они смеются, как они обсуждают свои дела. Ему нужно было выбрать жертву.

Он заметил одного ученика. Тот стоял у дальнего края тренировочной площадки, у старого каменного столба, покрытого трещинами. В руках у него был меч — не деревянный, не тренировочный, а настоящий, с узким лезвием, которое тускло поблёскивало в свете факелов. Он двигался плавно, без лишних усилий, и каждое его движение было выверенным, как у чело-

века, который не просто учился, а уже познал вкус настоящего боя. Чэнь Юй смотрел на него, и в его голове мелькнула мысль: этот человек умеет убивать. И, возможно, он уже убивал.

Чэнь Юй смотрел на него, чувствуя, как холодный пот стекает по его спине. Он знал, что должен сделать это. Он знал, что этот человек должен умереть. Но он не мог заставить себя сделать шаг. Он стоял в лесу, дрожа от холода и страха, и смотрел на этого человека, который не знал, что его жизнь висит на волоске. Он видел, как тот поправил волосы, упавшие на лицо, как он улыбнулся, когда его меч описал идеальную дугу. Этот человек жил своей жизнью, и он не знал, что Чэнь Юй смотрит на него.

— Ты дрожишь, — сказала Гончая. — Ты боишься.

— Я не боюсь, — ответил Чэнь Юй, но его голос дрожал. — Я просто... я просто не хочу.

— Ты думаешь, у тебя есть выбор? — спросила Гончая. В её голосе появилась насмешка. — Ты думаешь, если ты не сделаешь этого, Небеса пощадят тебя? Они не пощадят. Они сотрут тебя в пыль. Ты умрёшь здесь, в этом лесу, и никто не вспомнит твоего имени. Ты хочешь этого? Ты хочешь умереть как никто?

Чэнь Юй сжал кулаки. Он смотрел на ученика школы «Белый Журавль», который тренировался, не подозревая, что через несколько часов он станет жертвой ритуала. Он видел, как тот улыбнулся, когда его меч описал идеальную дугу, и как он остановился, чтобы поправить волосы, упавшие на лицо. Он был человеком. У него была жизнь. У него были мечты. И Чэнь Юй собирался убить его.

— Хорошо, — сказал он. — Я сделаю это.

Он начал ждать, когда этот человек останется один. Он знал, что этот момент настанет. Он просто должен быть готов. Он должен быть готов убить. Он должен быть готов стать тем, кого он ненавидел. Он ждал, спрятавшись в тени деревьев, и его сердце колотилось где-то в горле.

Чэнь Юй ждал. Он ждал долго — почти три часа, спрятавшись в тени старого дуба на опушке леса, в ста шагах от стены школы «Белый Журавль». Его тело затекло от неподвижности, ноги онемели, но он не смел пошевелиться. Каждый раз, когда кто-то из учеников проходил мимо его укрытия, он замирал, задерживал дыхание и сжимал пальцами кору дерева так сильно, что она впивалась в ладонь, оставляя глубокие царапины, из которых сочилась кровь. Он не чувствовал боли — Гончая уже адаптировалась к этому типу повреждений, и его тело просто игнорировало сигналы, которые посылали нервы. Но он чувствовал холод, чувствовал, как его пальцы немеют, как мышцы начинают сводить судорогой от долгого напряжения. Он смотрел на ворота школы, на свет факелов, на тени, которые двигались по двору, и ждал. Ждал, когда все разойдутся. Ждал, когда его жертва останется одна. Он не знал, сколько ещё сможет продержаться — голод, усталость и потеря крови делали своё дело, заставляя его тело дрожать, а мысли путаться, превращаясь в кашу из страха, отчаяния и холодной решимости.

Он смотрел на школу «Белый Журавль» и не мог поверить, что такие места вообще существуют. Здесь не было железных дев, не было столбов с плетями, не было крови на камнях. Здесь царила странная, почти мирная атмосфера. Ученики смеялись, когда выходили из тренировочного зала. Они хлопали друг друга по плечам, обсуждали какие-то глупые истории, спорили о том, какая девушка красивее. Они не боялись своих учителей, не дрожали перед мастерами. Они были свободны. И Чэнь Юй ненавидел их за это. Он ненавидел их за то, что они не знали, что такое стоять голым под водопадом три дня и три ночи, чувствуя, как вода разбивает его плоть в лепёшку, пока тело не перестает чувствовать боль. Он ненавидел их за то, что они не знали, что такое терпеть удары плетью и молиться, чтобы выжить, чувствуя, как кожа на спине разрывается на куски, а кровь стекает по ногам. Он ненавидел их за то, что они не знали, что такое быть гомункулом, куском мяса, собранным из чужих частей, и пытаться стать человеком. Он ненавидел их свободу, потому что сам никогда её не знал. Он завидовал их смеху, их лёгкости, их уверенности в том, что завтра будет ещё один день, и он будет таким

же светлым, как сегодня. Он завидовал их лицам, на которых не было шрамов, их глазам, в которых не было пустоты. И эта зависть жгла его изнутри, смешиваясь с голодом, усталостью и отчаянием, превращаясь в ярость, которая требовала выхода.

Он вспомнил о времени. Час. Он уже давно вышел за пределы школы. Час прошёл. Он не знал, сколько точно, но факелы на стенах школы уже погасли, луна поднялась высоко, и на небе появились звёзды. Он представил, как Вэй Чжун будет ждать его у ворот, как он будет смотреть на него своим холодным взглядом, как он скажет: «Ты опоздал. Ты нарушил правила. Ты знаешь, что будет». Он представил, как его привяжут к столбу, как плеть будет рвать его кожу, как он будет кричать, но никто не придёт ему на помощь. И Чэнь Юй чуть не упал. Его ноги подкосились, он схватился за ствол дуба, чтобы не рухнуть на землю. Сердце его колотилось где-то в горле, дыхание сбилось, и он чувствовал, как холодный пот стекает по его спине. Он не знал, что страшнее — то, что он сделает через несколько минут, или то, что ждёт его, когда он вернётся. Но он не мог вернуться. Не сейчас. Не с пустыми руками. Он должен был сделать это. Он должен был убить. Он должен был пройти этап крови. Иначе всё, что он пережил — водопад, железная дева, плети, унижения, голод — всё это было бы напрасно. Он не мог допустить этого.

Он смотрел на свои руки — худые, покрытые царапинами и синяками, с пальцами, которые дрожали от напряжения. Он сжал их в кулаки, пытаясь унять дрожь, но это не помогало. Он чувствовал, как его тело слабеет, как силы покидают его. Он потерял слишком много крови во время ритуала. И теперь его единственный шанс — убить этого человека, взять его кровь и использовать её для ритуала. Иначе всё было напрасно.

И тут он увидел, как ученики начали расходиться. Один за другим они покидали тренировочный двор, направляясь к своим комнатам. Кто-то ушёл с друзьями, кто-то один. Чэнь Юй смотрел на них и ждал. Он ждал, когда его жертва останется одна. И он дождался. Тот самый ученик — высокий, с тёмно-серыми волосами, собранными в узел, и янтарно-золотистыми глазами — вышел из тренировочного зала последним. Он не спешил. Он шёл медленно, заложив руки за спину, и его взгляд был направлен куда-то вперёд, в темноту. Он явно не заметил Чэнь Юя. Он шёл прямо в его сторону, к калитке, которая вела в лес, где стоял его дом. Чэнь Юй знал это. Он следил за ним всю ночь. Он знал, что этот ученик живёт один, в небольшом доме у подножия горы, что у него нет семьи, нет друзей, нет никого, кто мог бы помешать. Он знал, что этот человек возвращается домой один, и никто не будет искать его до утра. Это был идеальный момент. Идеальная жертва.

Чэнь Юй сжал кулаки. Он чувствовал, как его сердце колотится в груди, как пот стекает по спине, как его дыхание становится прерывистым. Он смотрел, как ученик подходит ближе, и считал шаги. Десять. Двадцать. Тридцать. Когда между ними осталось всего несколько метров, Чэнь Юй перестал быть собой. Он выпустил Гончую.

Он не знал, что это произойдёт так резко. Не знал, что Гончая изменилась. Она стала другой — более отмороженной, более жестокой, более безумной. Она смеялась у него в голове, и смех этот был похож на треск пересохшего бамбука. Она издевалась над ним, над его страхами, над его сомнениями. Она говорила: «Ты боишься? Ты боишься убить его? Но ты уже мёртв. Ты был мёртв с того момента, как родился в этом теле. Ты просто не знал этого. Я знаю. Я всегда знал». Она смеялась, и её смех звенел в его голове, как разбитое стекло, как тысяча осколков, которые впивались в его сознание. Она говорила ему, что он слаб, что он ничтожен, что он никогда не сможет стать сильным. Она говорила ему, что его единственный шанс — это убить этого человека. И она не даст ему покоя, пока он не сделает это.

— Ты такой жалкий, — её голос звенел в его голове, как разбитое стекло. — Ты думал, что сможешь просто так войти в этот мир и стать сильным? Нет. Ты должен платить. Ты должен страдать. Ты должен убивать. Это единственный способ. Ты думаешь, что я буду ждать вечно? Я хочу крови. Я хочу, чтобы ты принёс мне жертву. Иначе я не дам тебе покоя.

Чэнь Юй не мог контролировать её. Она вырвалась наружу, и его тело двинулось само. Он прыгнул вперёд, выхватывая нож, который держал за поясом, и нанёс удар — быстрый, резкий, направленный прямо в горло ученика. Он не думал, куда бьёт, он просто бил, чувствуя, как Гончая направляет его руку, как её безумная энергия разливается по его венам, делая его быстрее и сильнее. Он чувствовал, как его мышцы напрягаются, как его тело становится лёгким, почти невесомым, как его глаза начинают видеть в темноте лучше, чем раньше. Он был быстрее. Он был сильнее. Но ученик был готов.

Он не был таким, как другие ученики «Белого Журавля». Он был сильнее. Быстрее. И он не был новичком. Когда Чэнь Юй прыгнул на него, ученик уже сместился в сторону — плавно, без лишних усилий, как будто он предвидел этот удар ещё за секунду до того, как Чэнь Юй сделал свой шаг. Нож рассек воздух, не задев его. Чэнь Юй потерял равновесие и чуть не упал, но сумел удержаться на ногах, вонзив нож в землю, чтобы не рухнуть на колени. Он чувствовал, как его сердце колотится в груди, как его дыхание становится прерывистым. Он смотрел на ученика, и его глаза горели от ярости. Но в глубине души он знал, что ошибся. Этот человек был слишком сильным.

— Кто ты? — спросил ученик, и его голос был спокойным, без тени страха. — Ты из «Красного Лотоса»? Я узнаю их стиль отношения к ученикам. Грязь, боль, ранения, а главное, ты даже не удосужился снять форму, тупица!

Чэнь Юй не ответил. Он снова бросился на него, на этот раз пытаясь ударить снизу, в живот, но ученик снова ушёл от удара, легко, как ветер. Чэнь Юй чувствовал, как Гончая внутри него смеётся, как она наслаждается этим боем, как она подгоняет его, заставляет его двигаться быстрее, злее, агрессивнее. Но ученик был слишком быстрым. Он был не просто учеником — он был тем, кто уже много раз видел смерть. Он не боялся её. Он не боялся Чэнь Юя. Он смотрел на него с лёгким любопытством, как на редкого зверя, который выскочил из леса.

— Ты не ответил на мой вопрос, — сказал ученик, отступая на шаг. — Зачем ты пришёл? Убить меня? Я не знаю тебя. У нас нет вражды. Ты даже не знаешь, кто я. Ты не знаешь, как меня зовут. Ты не знаешь, что я делаю в этой школе. Ты просто пришёл и решил, что я — твой враг. Почему?

— А с чего это ты решил, что я не знаю кто ты? — Вырвался вопрос гончей. — Ты мой враг, — прорычал Чэнь Юй, чувствуя, как его голос меняется, становится более низким, хриплым, как у зверя. — Все вы — мои враги. Вы все — трусы, которые прячутся за стенами и смеются над теми, кто слабее вас. Вы не знаете, что такое боль. Вы не знаете, что такое страх. Вы не знаете, что такое жить в мире, где каждый день может стать последним. Я ненавижу вас. Я ненавижу вашу свободу. Я ненавижу вашу лёгкость. Вы не заслуживаете того, чтобы жить.

— Почему? — спросил ученик. Он не пытался нападать, не пытался защищаться. Он просто стоял и смотрел на Чэнь Юя, и в его глазах было нечто похожее на любопытство, смешанное с грустью. — Почему ты так ненавидишь нас? Мы не сделали тебе ничего плохого. Мы даже не знали, что ты существуешь. Ты просто пришёл и решил, что мы — твои враги. Ты не знаешь нас. Ты не знаешь, кто я. Я вижу твой блеф. И всё равно ты хочешь убить меня.

Чэнь Юй не мог ответить. Он не знал, что сказать. Он знал только то, что Гончая требует крови. Она требует жертвы. И она не даст ему покоя, пока он не сделает это. Он снова бросился на ученика, на этот раз пытаясь ударить его ногой, но ученик снова ушёл от удара, и теперь Чэнь Юй почувствовал, как что-то ударило его в плечо — сильный, быстрый удар, который отбросил его назад. Он покатился по земле, чувствуя, как его плечо начинает ныть, как боль пронзает его тело. Он поднялся на ноги, пытаясь удержаться, и увидел, как ученик стоит над ним, глядя сверху вниз. Он не атаковал, не добивал. Он просто смотрел. Его янтарно-золотистые глаза блестели в темноте, и в них не было ни злобы, ни ненависти. Только любопытство.

— Ты слаб, — сказал он. — Ты даже не умеешь драться. Твоя техника — это просто ярость. Но ярость без контроля — это не сила. Это слабость. Ты думаешь, что если будешь злиться, то станешь сильнее? Нет. Ты станешь только слабее. Ты потеряешь контроль. И тогда ты умрёшь.

Чэнь Юй хотел ответить, но слова застряли в горле. Он чувствовал, как его тело дрожит от усталости, как его кровь — чужая кровь — стекает по его руке, где нож рассек ему кожу при неудачном выпаде. Он потерял слишком много крови. Он не мог драться. Он не мог победить. Гончая в его голове смеялась, и её смех был похож на треск пересохшего бамбука.

— Ты проиграл, — сказала она. — Ты всегда проигрываешь. Ты никто. И ты никогда не станешь кем-то. Ты просто кусок мяса, который пытается стать человеком. Но ты не человек. Ты никогда не будешь человеком.

Чэнь Юй смотрел на ученика, и его глаза горели от отчаяния. Он знал, что ученик был прав. Он не умел драться. Он не знал техник. Он не знал, как использовать свою ци. Он был слабым. Но он не мог сдаться. Не сейчас. Не после всего, что он пережил.

— Я не сдамся, — сказал он, и его голос дрожал, но был твёрдым. — Я не могу остановиться.

— Тогда умри, — ответил ученик. — Но я не буду тебя убивать. Ты не стоишь того, чтобы я марал руки. Уходи. И не возвращайся. Если ты придёшь снова, я убью тебя. Я не шучу.

Чэнь Юй стоял, опираясь на дерево, и смотрел, как ученик разворачивается и идёт прочь. Он не мог пошевелиться. Его тело отказывалось слушаться. Он был слишком слабым. Он был слишком уставшим. Он проиграл. Он знал это. Гончая в его голове смеялась, и её смех был похож на треск пересохшего бамбука.

— Ты проиграл, — сказала она. — Ты всегда проигрываешь. Ты никто. И ты никогда не станешь кем-то.

Чэнь Юй лежал на земле, чувствуя, как его тело отказывается слушаться. Ученик стоял над ним, и его янтарно-золотистые глаза смотрели сверху вниз без злобы — только с лёгким любопытством и чем-то похожим на усталую жалость. Он не добивал. Он просто ждал, когда Чэнь Юй поднимется и уйдёт. Но Чэнь Юй не мог подняться. Гончая внутри него смеялась, и этот смех был похож на треск пересохшего бамбука. Она смеялась без остановки, и каждый новый взрыв смеха вонзался в его сознание, как раскалённая игла.

— Ты проиграл, — шептала она. — Ты всегда проигрываешь. Ты никто. Ты ничто. Ты даже не человек. Ты кусок мяса, который пытается стать чем-то большим. Но ты не сможешь. Ты никогда не сможешь. Ты думал, что сможешь убить его? Ты думал, что сможешь пройти этап крови? Нет. Ты умрёшь здесь, и никто не вспомнит твоего имени.

Чэнь Юй сжал кулаки. Внутри него закипала ярость — холодная, отчаянная. Он не мог умереть здесь. Не сейчас. Не после всего, что он пережил. Он должен был сделать это. Он должен был победить. Даже если это означало, что он должен был использовать всё, что у него есть. Он чувствовал, как его кровь — чужая кровь — стекает по его руке, как его тело слабеет, как силы покидают его. Но он не мог сдаться. Он не мог.

Он поднял голову. Его единственный глаз встретился с янтарно-золотистым взглядом ученика. И в этот момент Чэнь Юй перестал сдерживаться. Он отпустил контроль. Не Гончую — она уже была здесь. Он отпустил другое. Стекло.

Воздух перед ним хрустнул. Это был звук, похожий на то, как тонкий лёд трескается под ногами. Тысячи невидимых трещин побежали по воздуху, разрывая пространство. Ученик заметил это слишком поздно. Он уже занёс руку для удара, но перед ним внезапно выросла стена. Она была полупрозрачной, мерцающей, как ледяная гладь, и в ней отражался свет луны, создавая тысячи маленьких радуг. Ученик ударил по ней, и его рука вошла в стекло, как в воду, но не прошла насквозь. Вместо этого он почувствовал, как холод расползается по его пальцам,

как ци начинает рассеиваться, поглощённая странной материей. Он отдернул руку, и на его пальцах остался тонкий слой инея. Его глаза расширились.

— Что это? — спросил он, и в его голосе впервые появилась неуверенность. Он смотрел на свою руку, на иней, который медленно таял, и его лицо стало напряжённым. — Что это за сила? Это не ци. Это навык? Причем навык сопоставимый с легендарным рангом!

Чэнь Юй не ответил. Он не мог. Он чувствовал, как его тело слабеет, как силы покидают его. Но он продолжал создавать стекло. Оно росло из его рук, из его груди, из его ран. Оно выходило из его тела, как жидкость из разбитого сосуда. Он не мог остановиться. Он не хотел останавливаться. Он чувствовал, как стекло заполняет его, как оно становится частью его, как оно начинает жить своей жизнью. Это было странное, почти пугающее чувство. Но он не мог остановиться.

Он выбросил руку вперёд, и десятки осколков сорвались с его пальцев, как стая голодных птиц. Они летели быстро, остро, и каждый из них был направлен точно в цель. Ученик попытался уйти в сторону, но осколки были слишком быстрыми. Они впились в его плечо, в его бок, в ногу. Кровь брызнула, и Чэнь Юй услышал, как ученик вскрикнул — коротко, сдавленно. Он не ожидал этого. Он не ожидал, что у Чэнь Юя есть такой навык. Он думал, что тот просто слабый, отчаявшийся гомункул, который пытается убить его голыми руками. Он ошибался.

— Что ты делаешь? — спросил ученик, отступая на шаг. Его голос был напряжённым, и он смотрел на Чэнь Юя с новым выражением — смесью удивления и страха. — Что это за сила? Я никогда не видел ничего подобного.

Чэнь Юй не ответил. Он чувствовал, как стекло разрастается внутри него, как оно заполняет его тело, как оно становится частью его. Он чувствовал, как его раны начинают затягиваться — не целиком, но достаточно, чтобы он мог двигаться. Он поднялся на ноги, и его тело дрожало от напряжения. Но он стоял. Он смотрел на ученика, который отступал, и его единственный глаз горел холодной решимостью.

— Ты думал, что я слаб, — сказал Чэнь Юй, и его голос был низким, почти безжизненным. — Ты думал, что я просто отчаявшийся идиот, который не умеет драться. Ты ошибался. У меня есть то, чего нет у тебя. У меня есть сила, которую ты не можешь понять.

Он снова выбросил руку вперёд, и на этот раз осколки были больше. Они летели быстрее, острее, и ученик едва успевал уклоняться. Один из них рассек его щеку, оставляя тонкий, ровный порез, из которого сразу же выступила кровь. Другой вонзился в его бедро, и он зашипел от боли, отступая ещё на шаг. Третий осколок впился в его руку, и он выронил меч, который держал в правой руке. Меч упал на землю с глухим стуком, и ученик посмотрел на него, как будто не мог поверить, что потерял его.

— Ты сильнее, чем я думал, — сказал ученик, сжимая зубы. Его глаза сверкали от боли, но он не сдавался. Он смотрел на Чэнь Юя с уважением, смешанным с гневом. — Но ты всё равно проиграешь. Я не позволю тебе победить меня. Я не позволю тебе убить меня.

Он отступил на три шага и поднял руки. Его ци начала собираться вокруг него, как вихрь. Воздух вокруг него загудел, и Чэнь Юй почувствовал, как давление начинает расти. Ученик смотрел на него, и его глаза сверкали в темноте. И Чэнь Юй понял, что он готовится к чему-то серьёзному.

— Птичий стиль, — сказал ученик, и его голос был низким, почти шёпотом. — Первая техника. Крылатый шторм.

Он исчез. Не стал быстрее — исчез. Чэнь Юй не видел его движения, не слышал шагов. Он просто почувствовал, как воздух вокруг него сжимается, как что-то невидимое ударяет его в грудь. Он не успел увернуться. Он даже не успел понять, что произошло. Но его тело отреагировало раньше, чем его сознание. Гончая внутри него рванулась вперёд, и его рука дернулась, создавая барьер.

Чэнь Юй выбросил руку вперёд, создавая перед собой огромный осколок стекла. Он был размером с дверь, толстым, плотным, почти непробиваемым. Он возник в тот момент, когда клинок ученика уже вошёл в его шею. Чэнь Юй почувствовал, как сталь входит в его плоть, как холод разливается по его телу, как его кровь — чужая кровь — начинает вытекать из раны. Он почувствовал, как его тело слабеет, как сознание начинает затуманиваться. Но он не упал. Он стоял, держа руку поднятой, и смотрел на ученика, который смотрел на него с удивлением.

Огромный осколок стекла, который Чэнь Юй создал, не исчез. Он вонзился в грудь ученика, пронзая его насквозь. Ученик замер, глядя на стекло, которое торчало из его груди, и его глаза были широко раскрыты. Он не мог пошевелиться. Он не мог дышать. Он только смотрел на Чэнь Юя, и его взгляд был полон удивления и боли.

— Как... — прошептал он. — Как ты...

Он не договорил. Осколок взорвался. Тысячи мелких кусочков разлетелись во все стороны, пронзая тело ученика изнутри. Кровь брызнула фонтаном, орошая землю. Ученик покачнулся, сделал один шаг вперёд и упал на колени. Его глаза всё ещё были открыты, но в них уже не было жизни. Он упал лицом вниз, и его тело застыло в неестественной позе.

Чэнь Юй стоял, держась за шею. Его рука была мокрой от крови, и он чувствовал, как его тело начинает слабеть, как сознание покидает его. Он упал на колени, рядом с телом ученика, и его дыхание было прерывистым. Он смотрел на тело, которое лежало перед ним, и не мог поверить, что сделал это. Он убил его. Он убил его стеклом. Он убил его, даже когда тот ударил его. Он не знал, кто из них умрёт первым. Он не знал, кто из них выживет. Он просто лежал на земле и смотрел на тело, которое лежало в нескольких метрах от него. Он чувствовал, как его жизнь уходит из него, как его сознание начинает затуманиваться.

— Ты сделал это, — прошептала Гончая у него в голове. Её голос был тихим, почти уважительным. — Ты убил его. Теперь ты можешь использовать его кровь. Ты можешь пройти этап крови. Ты можешь стать сильнее.

Чэнь Юй закрыл глаза. Он не знал, выживет ли он. Но он знал, что сделал это. Он убил его. И теперь он должен был использовать его кровь. Иначе всё было напрасно. Он протянул руку к телу ученика, касаясь его груди, где стекло взорвалось. Кровь была тёплой, липкой, и она стекала по его пальцам. Чэнь Юй поднёс её к своему лицу и посмотрел на неё. Она была яркой, красной, живой. Она не была его. Она была чужой. Но она была вражеской. И она была единственным шансом.

— Я сделаю это, — прошептал он. — Я не умру. Я не умру.

Но его глаза уже закрывались. Его сознание уже начинало затуманиваться. Он не знал, выживет ли он. Но он знал, что должен попытаться. Он должен попытаться. Он сжал пальцы, чувствуя, как кровь стекает по его руке, как его тело начинает темнеть. Он не знал, что будет дальше. Он не знал, что его ждёт. Но он знал, что он сделал всё, что мог. И он умер.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.